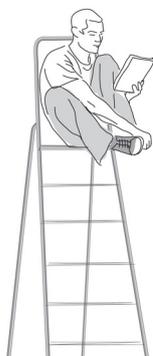

Захар Прилепин

КНИГОЧЁТ

ПОСОБИЕ ПО НОВЕЙШЕЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
с лирическими
и саркастическими
отступлениями

Захар Прилепин
Книгочѐт. Пособие по новейшей
литературе с лирическими и
саркастическими отступлениями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4928997

*Захар Прилепин. Книгочѐт. Пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями: АСТ; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-43958-2*

Аннотация

«Книгочет: пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями» – это авторский взгляд прозаика, поэта и журналиста Захара Прилепина, много лет ведущего литературные колонки в «Новой газете», «Медведе», «Книжном обозрении». В поле его зрения попали известнейшие писатели: Дмитрий Быков, Герман Садулаев, Евгений Гришковец, Александр Проханов, Ольга Славникова, Александр Башлачев, Марина Степнова...

Содержание

От автора	4
Ведем речь	6
Русский язык без почвы не жилец	6
Временное	9
Теперь мы будем жить отдельно	9
Срослось. Опять распалось	11
Расклад	15
Пойду на грозу, покажу ей «козу»	15
Ночи нет	18
Публицист и К°	21
Дмитрий Быков	21
Василий Голованов	24
Михаил Елизаров	26
Герман Садулаев	28
Лев Пирогов	30
Политэкономия	32
Эдуард Лимонов	32
Андрей Балканский	34
Сергей Кара-Мурза	38
Константин Крылов	40
Лимонка в тюрьму: сборник	44
Место действия: прошлое	47
Саркастическое отступление	49
Давайте объяснимся	49
Тост	52
Воспоминание о чуде	52
По классике	56
Олег Лекманов, Михаил Свердлов	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Захар Прилепин

Книгочѣт

Пособие по новейшей литературе с лирическими и саркастическими отступлениями

От автора

Эту книжку я сварил будто кашу из топора. У меня было какое-то количество разрозненных текстов о современной прозе и рецензий, написанных по случаю.

Я как-то подумал: что добру пропадать – и решил сделать хороший сборник о новейшей литературе.

Основания для начала работы были элементарны.

Есть такие люди, которые называются «критики», – они не без настойчивости предлагают собственный взгляд на литпроцесс, строят свои иерархии, расставляют писателей по местам: этого на пьедестал, этого под лавку, а этих вот вообще не упоминаем...

И нормально, что так, – это их работа. Многие из критиков более чем приятные люди, иные – самодовольные глупцы, и они, кстати сказать, особенно активны. Что тоже обычное дело.

Не в том проблема.

Проблема, что сами сочинители прозы и поэзии отчего-то не пишут критику.

То есть одно за другим появились несколько поколений литераторов, которые друг друга будто бы и не читают. Или, если читают, почти не высказываются на эти темы.

В лучшем случае писатель, возглавляющий литгазету или журнал, может натравить подручного критика на другого сочинителя: как приятно сводить счеты, оставаясь за кадром.

Впрочем, это отдельная история.

Не знаю уж, что мешает остальным литераторам подробно высказываться самим, но все обстоит как обстоит.

Исключения есть, конечно: Быков, Кучерская, Сенчин, – но они именно что исключения. В остальном писателей хватает лишь на то, чтоб язвить в ЖЖ по поводу чужого успеха. (Характерно, что вышеназванные «исключения» не имеют своих ЖЖ.)

Всерьез думать о других людях вообще куда менее любопытно, чем подробно размышлять о себе любимом, да, коллеги?

Итог простой: иерархии в современной литературе сложились при минимальном участии самих литераторов. Приложили руку кто угодно – ведущие литературных колонок в изданиях для коммерсантов и глянцевого журнала, меценаты, обозреватели рейтингов книжных продаж, словоохотливые ЖЖ-юзеры, и эти вот еще, упомянутые мной критики.

Не скажу, что иерархии вовсе не отвечают реальному положению дел (скорей отвечают), однако кое-какие уточнения все равно стоит внести.

Тем более что традиционно в русской литературе ситуация была несколько иной.

Словесность воспринималась как поле общей работы. Сочинители радели о языке и культуре, о политике и религии, о нации, наконец. Написанная другим книга воспринималась не только как предмет раздраженной зависти в случае успеха этой книги («на твоём

месте должен быть я»), но как еще одна монета, брошенная в общую копилку. Или украденная оттуда.

Если не критику, то теоретические работы или как минимум эссеистику на литературные темы писали многие и многие классики.

Как много занимались не собой, а другими Горький и Брюсов, Мережковский и Гиппиус, Андрей Белый. Как точен и спокоен в качестве критика Николай Гумилев. Мы уж не говорим про Георгия Адамовича. Даже в наследии Маяковского и Есенина можно найти дельные заметки о литпроцессе – хотя, казалось бы, им-то, при их славе и лихорадочной жизни, вообще было не до этого. Много вы знаете современных поэтов, которые рецензируют других?

Короче говоря, мне захотелось поделиться своими представлениями о том, что являла собой литература в последнее десятилетие. Казалось, я столько уже высказывался на эти темы, что на книжку точно наберется.

Начал делать сборник и выяснил, что не хватает многого. Тут о прозе недосказал, там про хорошего поэта забыл, здесь слишком мимолетно осмотрел литературные события, тут вообще не заметил случившегося.

Стал дописывать (варить суп из первоначального топора), и затянулось это почти на год. Проще сказать: книжку пришлось сочинить едва ли не сначала.

Не скажу, что теперь сказано обо всем (это и невозможно, и бессмысленно), но про наболевшее постарался не забыть и картину в целом набросать.

Выполнена книжка в «лоскутной» манере, когда разговоры о литературе перемежаются отступлениями в смежные темы. Мне показалось, что так будет лучше.

Хотя почему «показалось» – действительно лучше.

Так что поехали потихоньку.

Ведем речь

Русский язык без почвы не жилец

Написать эти заметки подвигло меня чтение публицистики двух любимых моих писателей – Гайто Газданова и Леонида Леонова.

В 1931 году, в Париже, Гайто Газданов, размышляя об эмигрантской литературе, сказал, что основная ее проблема – воздействие на младую литературную поросль писателей старшего поколения.

«Главная ошибка по отношению к ним, – уверял Газданов, – заключается в том, что нынешнее эмигрантское поколение не знает одной простой вещи: в России эти писатели – за одним-двумя исключениями – никогда не были на первом плане. Им ошибочно присудили не принадлежащие им качества – и стали усердно у них учиться: естественно, что результаты получились самые плачевные».

В 1932 году, в Москве, Леонид Леонов, размышляя о советской литературе и о Горьком, произносит другую весьма крамольную вещь: «...это один из немногих старых писателей и во всяком случае единственный такого масштаба мастер, оставшийся вместе с нами». То есть с советскими людьми.

Налицо очевидное противоречие. Газданов уверен, что в эмигрантской литературе мастерами в подавляющем большинстве считают тех, кто таковыми никогда не являлся. Леонов, напротив, уверен, что все мастера, кроме Горького, Страну Советов не признали и жить в Советском Союзе, в отличие от Алексея Максимовича, не собираются.

Видно, что и Газданов, и Леонов печалются не только о собственно литературе, но и о языке, о речи – их пугает отсутствие видимых ориентиров вокруг.

Так где ж они были, эти мастера слова? в России? за ее пределами? или их вообще почти не было?

В советских учебниках, помню, писалось, что главные, лучшие и основные писатели приняли Октябрьскую революцию 1917 года, а за рубежи уехало несколько отщепенцев: Гиппиус, Мережковский и, по роковому недопониманию, Бунин. Зато вернулись Алексей Толстой и, позже, Александр Куприн и никуда не уехали Брюсов, Пришвин, Вересаев, Сергеев-Ценский, Вячеслав Шишков (последнюю фамилию точно помню в учебнике: я тогда уже был юноша начитанный и знал, что Шишков выпустил первую книгу в 1916 году, то есть относить его к мастерам старой школы было не совсем честно – подгрести для массовости).

Потом, в постсоветское время, возобладала точка зрения противоположная: все мастера уехали, а оставшиеся, за исключением разве что циника Алешки Толстого, ушли во внутреннюю эмиграцию: тот же Пришвин, например, и Андрей Белый так и не стали правоверными советскими писателями. Про Шишкова вообще забыли – хотя, как ни странно, его часто переиздают; просто он каким-то чудом не проходит по ведомству советской литературы, а числится скорей в составе литературы этнографической, где-то меж Мельниковым-Печерским и Маминым-Сибиряком.

Здесь вроде бы должно написать: сегодня пришло время спокойно согласиться с тем, что литература в Гражданскую была разрублена ровно пополам и что по обе стороны советской границы жило истинное русское слово.

Но я так не напишу.

Я, может быть, и без злорадства – но соглашусь с Газдановым.

Русская литература осталась в Советской России, – именно там она выживала и выжила.

К концу тридцатых годов, то есть спустя всего двадцать лет после первой волны эмиграции, никакой эмигрантской литературы почти не осталось. Старые мастера доживали свой век, новой литературы не появилось. В прозе можно назвать только два по-настоящему больших имени – Газданов и Набоков. Пожалуй, еще Алданов, который писать начал до революции, но дебютировал как замечательный исторический романист уже в эмиграции. Может быть, еще Борис Поплавский. Но он умер в 1935-м. А Набоков с 1939 года пишет и публикует новые книги на английском языке.

За то же самое время в Советской России было создано столько шедевров, что перечислять их – пальцев не хватит.

Бабель написал «Конармию». Катаев – «Отец» и «Время, вперед!». Всеволод Иванов – «Партизанские повести». Ильф и Петров – «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Леонов – «Вор» и «Дорога на Океан». Платонов – «Епифанские шлюзы» и «Чевенгур». Шишков – «Угрюм-река». Шолохов – «Тихий Дон». Фадеев – «Разгром».

А ведь еще были Гайдар, Зощенко, Каверин, ранний Лавренев, Паустовский, Фурманов, ранний Федин, Шкловский, да кого только не было. Мы еще не называем Булгакова, Мариенгофа или Добычина: понятное дело, что писать прозу, находясь в Стране Советов, – это еще не значит быть советским писателем. Но, важно заметить, они жили именно в России – собственно, об этом мы и ведем речь, а не выясняем в очередной раз отношения между советской и несветской литературой.

Что до старых мастеров, о которых говорили Леонов и Газданов, – то тут, что в России, что за ее пределами, какое-то время – если судить по гамбургскому счету – сохранялось осязаемое равновесие.

Ну, Горький и Бунин, тут нечего сказать.

Да, там Борис Зайцев написал «Золотой узор», а Шмелев – безусловные шедевры «Солнце мертвых» и «Лето Господне». Но Шмелев, надо сказать, написал еще неперечисленное количество книг не самого высокого литературного уровня. Недаром тот же Газданов несколько раз едко отзывался о нем, когда говорил о тех литераторах, что только по недоразумению числятся в учителях.

Зато здесь, в России, Вересаев написал лучший свой роман «В тупике», а Серафимович – восхитительный «Железный поток». А уж сколько всего написал Сергеев-Ценский – несколько не меньше Шмелева. И не хуже, наверное, по уровню; хотя и не лучше.

Наконец, вряд ли кому-нибудь даже сегодня придет в голову спорить с тем, что «Петр Первый» Алексея Толстого или «Разин Степан» Чапыгина хуже исторических сочинений Мережковского или Ивана Наживина. Просто потому, что не только не хуже, но несравнимо лучше.

Но время шло, и ситуация менялась все очевиднее. К началу шестидесятых годов XX века за границей живут несколько миллионов русских людей, эмигрантов первой и второй волны, у которых родились уже дети, а у кого и внуки. В России в это время становятся известны или начинают публиковаться Юрий Трифонов, Валентин Распутин, Юрий Бондарев, Фазиль Искандер, Василий Белов, Андрей Битов, Виктор Астафьев, Василий Шукшин... Что до эмигрантской литературы – ее к тому моменту было почти не разглядеть, она растворилась и затем всерьез пополнялась лишь за счет вновь прибывших: Виктора Некрасова, Солженицына, Аксенова, Лимонова...

Мастера, об отсутствии которых печалился Газданов за границами России, не удержали в ладонях теплоту русской речи – а вот в Стране Советов, со всей ее кровавой свистопляской и чудовищным унижением тысяч и тысяч людей, литература сохранилась.

Выходит, что власть тут вообще ни при чем.

Если бы произошло чудо и Советский Союз не распался, но, напротив, модернизировался, пошел на послабление режима и перестал изгонять на Запад свою буйную интеллигенцию – эмигрантская литература стремительно сошла б на нет.

Но, собственно, зачем Советскому Союзу было модернизироваться, чтоб проследить эти процессы? Вполне можно взглянуть из дня сегодняшнего, чтобы убедиться: на русском пишут только эмигранты в первом поколении. Только они!

Здесь, наконец, надо произнести одну невеселую истину.

Русский – не иврит. Он в неволе не живет.

Русские эмигранты уже к третьему поколению забывают родную речь.

Никто и не сосчитает, сколько веков не было в помине никакого Израиля, но в 1755 году в Германии начинает выходить литературный журнал на иврите «Кохелет мусар», а в 1784 году – альманах «Ха-Меассеф». Почти одновременно на иврите начинают писать Н.Вессели в Германии, Э.Луццатто в Италии и И.Невахович в России.

Собственно, с тех пор с еврейской литературой все в порядке – хоть и шедевров, прямо скажем, было немного, но зато привычка к родному слову не покинула гортань.

Мы себе можем представить, что через пятьсот лет после переселения русских на чужбину появится литературный журнал на русском языке? Хорошо, возьмем не пятьсот, а двести пятьдесят или даже сто лет. Мало ли русских разметало по свету – и что? Где услышать их потомков? На Аляске? В Турции? В Малой Азии, возле озера Маньес, куда в середине XVIII века огромной общиной переселились казаки, успевшие побунтовать при Петре Первом в вольнице смутьяна Кондратия Булавина?

Когда Бог вдруг раздумает беречь и хранить нас и России не станет – исчезнет вскоре и русский язык. Опыт русских эмиграций должен нас этому научить.

Если мы потеряем свои земли, нас быстро сотрут из памяти людской.

И старым мастерам, о которых печалился Гайто Газданов, сколько бы их ни осталось к страшному дню потери Родины, вскоре некому будет передать свою речь. Их мало кто услышит и мало кто поймет.

Забудутся Пушкин и Блок.

Засмеются дикой тарабарщине люди, услышавшие нелепую и невнятную речь: «Гой ты, Русь, моя родная, / Хаты – в ризах образа... / Не видать конца и края – / Только синь сосет глаза. / Как захожий богомолец, / Я смотрю твои поля. / А у низеньких околиц / Звонно чахнут тополя».

И никакого русского возрождения не случится никогда: кому мы нужны, если не нужны самим себе?

Надо держаться за свою землю всеми пальцами: нет ни у нас, ни у нашего языка иного пристанища.

Временное

Теперь мы будем жить отдельно

Русский писатель испытывает к власти двойственные чувства.

Наверное, это было заложено еще Пушкиным, который с разницей в считанные дни писал стихи с противоположным, по сути, политическим зарядом.

Сначала сочинил свое послание декабристам: «Оковы тяжкие падут... И свобода / вас встретит радостно у входа...». И следом осмыслял случившееся уже как государственный муж: «В надежде славы и добра / Смотрю вперед я без боязни – / Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни». Смысл тут простой: ну, повесили несколько офицеров и поэтов, а оставшихся смутьянов отправили в Сибирь – что ж поделаешь, при Петре Великом и не такое бывало. Надежду на славу и добро это не отменяет.

Спустя сто лет Осип Манделштам писал сначала, что «власть отвратительна как руки брадобрея», а спустя немного времени в рифму к прежним стихам клялся: «Я человек эпохи Москвошвея!» И далее: «... Попробуйте меня от века оторвать, / Ручаюсь вам – себе свернете шею!»

Та же, что и у Пушкина, история: жить в России ужасно, но это такое счастье.

Русский писатель зачастую и государственный, и революционер одновременно. «Революционер» мы произносим в самом широком смысле – речь идет о наивысшей свободе духа в первую очередь.

В этом смысле путь Максима Горького, сначала вложившегося словом и делом в большевистскую революцию, дабы разрушить монархию, а потом верой и правдой служившего новому цезаризму, несколько не парадоксален, а как раз традиционен.

Несколькими десятилетиями ранее Федор Достоевский был сначала едва не казнен как бунтовщик, но затем вошел в историю как монархист и консерватор.

Достоевскому это все прощается, а Горькому в прощенье отказано. Но, по большому счету, разницы между ними никакой нет.

Присмотритесь к судьбе почти любого крупного русского литератора: очернитель и охранитель там соседствуют в одном человеке, будь то Гоголь, Лесков, Лев Толстой, Чехов, Есенин, Пастернак, Леонид Леонов, Солженицын или даже Бродский.

Свести судьбу любого писателя советских времен к неистовой борьбе с советской властью – такое же пошлое упрощение, как трактовка классиков XIX века советскими исследователями, видевшими за каждой лермонтовской или тургеневской строкой ненависть к царизму и к, так сказать, сатрапам.

Двести с лишним лет существования светской литературы в России действовали взаимное притяжение и одновременное отторжение литератора и власти. Они разговаривали – и беседа шла, в историческом смысле, на равных. Даже если вторые физически уничтожали первых.

Ситуация начала качественно меняться лишь в последние полтора десятилетия. И я даже не решаюсь сказать, к лучшему или к худшему.

Дело в том, что литература (и не только она) перестала восприниматься властью как занятие, определяющее смысл бытия и значимое в контексте реального управления страной.

Николай Первый выступал в качестве личного цензора Пушкина. Сталин писал на полях сочинений Андрея Платонова «Сволочь!». Горбачев, при всем том, что читатель был пониже рангом, чем вышеназванные, – понимал ценность слова, искренне заигрывая то с одним, то с другим властителем дум.

Но представить, что Дмитрий Медведев захочет выступить в качестве пусть не цензора, но внимательного читателя и собеседника, скажем, Дмитрия Быкова или Виктора Пелевина – никак не возможно.

Вообразить, что Владимир Путин читает книгу Эдуарда Лимонова или Владимира Сорокина и пишет на полях «Сволочь!» – снова нельзя.

Сложно предположить, что они оба хоть как-то заинтересованы в человеческой симпатии Андрея Битова или Станислава Куняева.

Честно говоря, я вообще не очень представляю, зачем президент или премьер будут брать в руки художественные книги. Медведев отлично смотрится со своими гаджетами, Путин – на горных лыжах или за штурвалом самолета. Вдвоем они более чем органичны в спортивном баре, где под пиво смотрят футбол. Но вообразить Медведева и Путина на творческом вечере Владимира Маканина... Это ж мозг может обрушиться!

Никогда, наверное, литератор не жил так спокойно, как сегодня.

Нет страха, что на тебя закричат, зашумят, затопчут ногами. Никто всерьез не пугается, что за опубликованную крамолу или вольнодумную переписку тебя в компании сотоварищей повесят.

Теперь есть власть и есть писатели – живут сами по себе, встречаясь крайне редко, для галочки, и от встреч этих веет за километр бессмыслицей.

Ну, выступают Борис Акунин и Людмила Улицкая в поддержку Михаила Ходорковского. Ну, написали культовые рок-барды – не худшие, кстати, поэты – Борис Гребенщиков и Константин Кинчев письмо с пожеланием не сажать того же Ходорковского во второй раз за то, за что он уже отсидел.

У нас ведь демократия. Хочешь писать – пиши, хочешь заступаться – заступайся. А хотите – соберитесь всем Союзом писателей и отправьтесь на митинг, не жалко.

Единственный минус той демократии, что мы наблюдаем сегодня вокруг себя, только один. Сказать ты можешь вполне. О себе, о Родине, о будущем, о власти... О чем угодно.

Просто их несколько не волнует, что ты скажешь.

Срослось. Опять распалось

Некоторое время назад я часто говорил о странных свойствах современности: ее почти невозможно описывать в художественной реалистической литературе, не оступаясь в памфлет или в пошлость.

Смотрите, уверенно повторял я, в двадцатые годы прошлого века русский писатель мог ввести в текст фамилию «Троцкий», слово «нэпман» и слово «продразверстка». Но если в современном художественном тексте появляются «Ельцин», «новый русский» и «приватизация», сразу начинается какая-то пакость – читать это не хочется совершенно.

Прозу деревенскую (или, скажем так, «провинциальную», то есть о провинции – вроде ивановского «Блуда и МУДО», повестей Екимова или Михаила Тарковского) еще можно было сочинять – в этих местах, что ХХI век, что ХVII – все та же полынь у забора. А вот с городской, социальной, да еще соприкасающейся с политикой или бизнесом прозой дело обстояло куда хуже. Конечно, реалистические романы о современности появлялись, но в основном какие-то так себе. Либо облитые горечью и злостью, «патриотические», либо преисполненные желчи и мстительности, «либеральные».

Именно этим дурновкусием времени, не поддающегося внятному и беспристрастному описанию, я объяснял уход нескольких почитаемых мною писателей из художественной литературы вообще; да и неожиданное смещение Александра Проханова из числа правдивых реалистов в неутомимое босхианство объяснялось тем же: ну как же еще нормальным русским языком описать жизнь олигарха, быт бизнесмена и работу современных спецслужб? Эти вещи не укоренились в художественном словаре – только в журналистском. Но стоило Проханову возвратиться на один роман в прошлое, в советское, в молодость свою, тут же сразу вернулись навыки реалиста – и получилась «Надпись», лучшее, кстати, сочинение Александра Андреевича.

Это и на примере романов Дмитрия Быкова можно проследить: если первые его квази-исторические книги «Оправдание» и особенно «Орфография» – это, безусловно, литература, а во втором случае весьма пышная, красочная, барочная местами, то последние, о современности, сочинения – «Эвакуатор» и «Списанные» – намеренно обесцвеченные, почти журналистским языком написанные тексты, да еще с элементами фантастики и антиутопии.

По той же причине (впрочем, она не единственная) девяностые и были временем расцвета постмодерна и магического реализма. То есть с одной стороны – Пелевин, Ерофеев и Сорокин, с другой – Мамлеев, Ольга Славникова и, скажем, замечательный Юрий Козлов. А также по-своему наследующие иным опытным мастерам Михаил Елизаров и Герман Садулаев.

«Не дается в руки новое время, не дается!» – вроде горевал, но тайно радовался я. Если описываешь его – надо обязательно оптику сместить, создать эффект «рыбьего глаза», дыма напустить, тень на плетень навести, чтоб посмотрел, скажем, на милиционера, а он – раз! – и превратился в птеродактиля; залюбовался спящей женщиной, а у нее – раз! – и отовсюду муравьи поползли; а уж если попался вам политик – то затаись, это наверняка что-то нездешнее, из-под земли, серой пропахшее.

Мало того, никак не появлялось сочинений, саг, где постсоветская эпоха была бы связана воедино с советской, проистекала бы из нее естественно, и даже спокойно, и даже незлобливо. Одна ж страна все-таки, один народ – сколько ж можно бесноваться.

Но не получалось.

Мне искренне казалось, что последнюю четверть века ни один литератор, работающий в реалистическом ключе, описывать всерьез не возьмется и, значит, не прицепить всю эту

свистопляску к русской истории. «Вот-де насколько чужд либерализм России, что литература им поперхнулась», – кривил я губы.

А что? Через считанные годы после той незабвенной Великой Октябрьской и последовавшей за ней Гражданской один за другим пошли классические романы о случившемся, а у нас и через двадцать лет после начала нашего великого и по сей день открытого перелома так и не появилось почти ничего.

Я о реализме говорю, если кто не слышит до сих пор.

Мало того, говорю неправду.

Потому что все изменилось в течение года, и разом выяснилось, что никаких проблем из числа озвученных мною выше вообще не существует. Вернее сказать, больше не существует, потому что они все-таки были.

За месяц я прочел четыре относительно новых романа – и собственноручно переубедился.

«Аномалия Камлаева» Сергея Самсонова. «Цена отсечения» Александра Архангельского. «Каменный мост» Александра Терехова. «Журавли и карлики» Леонида Юзефовича.

У всех текстов есть общие черты.

Действие там происходит как минимум сразу и в послевоенное советское и в постсоветское время (у Самсонова и Архангельского). «Каменный мост» (Терехова) нечеловечески глубоко загребает плюс к этим временам довоенную сталинскую историю. В «Журавлях и карликах» (Юзефовича) охват еще шире – там одна эпоха русского хаоса (самозванство начала XVII века) ненавязчиво (в чем некоторые критики увидели несостыкованность пластов романа) рифмуется с хаосом постсоветским.

Во всех четырех случаях перетекание эпохи в эпоху описано настолько органично, что диву даешься. Тут, собственно, вправили дурь не только мне, но и всем тем, кто до сих пор самозабвенно рассказывает о черной дыре XX века и бессмысленном социалистическом эксперименте. История не прекращалась никогда, и все это – наше кровное наследство, никакого другого нет и быть, наверное, не могло.

В этом смысле удивительно сочинение Архангельского, прежняя проза которого не вызывала никаких ощущений, кроме вялого раздражения. Предыдущая его книжка «1962» – вещь откровенно антисоветская, к тому же написанная слогом чрезмерно легким; не безвкусным, в смысле пошлым (тут у Архангельского все в порядке), а именно что лишенным вкуса: сколько ни пробуй – вода и вода. Не кислит, не горчит, не пьянит.

«Цена отсечения», как и все остальные книги Архангельского, стиля, по сути, лишена – зато это хорошо построенный и продуманный, совсем не тенденциозный текст: никакого в зубах навязшего противопоставления либеральных идеалов «ужасам советизма» там нет вовсе.

Были одни времена, в них жили люди, и те же люди теми же руками выстроили себе другой дом, худой ли, хороший – другой вопрос, и Архангельский даже его не поднимает.

Семейному роману (а тут есть признаки семейного романа) все это пошло только на пользу.

Столь же безболезненно (если и болело – то о другом) прошел сквозь последние полвека герой Сергея Самсонова – композитор Камлаев. У Самсонова в полном наборе и быт шестидесятых, и мораль семидесятых, и социум восьмидесятых, и разлив девяностых – и при этом ни одной оценки, никаких пристрастий, никакого раздражения по какому бы то ни было поводу. Все куда проще: вот было так, потом так, потом саяк. Если обернуться – видна человеческая жизнь, она текла как умела, непреодолимых преград не было никогда: ни сейчас, ни тогда. Камлаев спокойно шел сквозь все времена со всеми своими аномалиями.

Что до Юзефовича – в его романах давно уже не было замечено разделения героев на хороших и дурных и времен – на ужасные и прекрасные.

Юзефович всегда пытался без пристрастия рассмотреть человека во временах, а не расставить многомудро и снисходительно оценки людям, жившим до нас.

Наконец Леонид Абрамович принялся и за наши дни: вода отстоялась и стал различим ландшафт дна.

К слову сказать, о подмеченном некоторыми вездливými критиками несовпадении сюжетных пластов в романе «Журавли и карлики» Юзефович сказал мне как-то: «Что касается рифмовки событий, то это заложено в истории, как созвучия – в языке. Чем у поэта богаче словарный запас, тем неожиданнее рифма. Чем более широкой исторической реальностью оперирует прозаик, тем больше он видит таких совпадений. При этом важно не впадать в грех аналогии. Прошлое может многое сказать о настоящем не потому, что похоже на него, а потому, что в нем заметнее вечное».

Свершения «греха аналогии» (или, возвращаясь к метафоре Юзефовича, простой, быть может, даже глагольной рифмы) – вот чего по сей день ждут иные критики от прозаика. Обойдутся: жизнь умнее аналогии, хотя богата и на них, признаем; а судьба, продолжим мы о своем, вообще внеидеологична.

И у Юзефовича, и у Архангельского в их романах упоминаются столь пугавшие меня и Ельцин, и Гайдар, и Чубайс, и приватизация, и кооперативы – и ничего, мир не обрушился, текст остался текстом. Если б те же фамилии, предметы и процессы были упомянуты у Терехова и Самсонова – тоже ничего страшного бы не случилось. Потому что все это перемолола общая наша судьба и превратила в историю. В любых приметах тех лет понемногу, по выражению Юзефовича, начало просматриваться «вечное».

Рассматривать в категориях «советский – антисоветский» не только любую из вышеназванных книг, но и грандиозный роман Александра Терехова «Каменный мост» совершенно бессмысленно.

Хотя иные, надо признать, пробуют. Одну из журналисток явно тронуло, почему Сталин у Терехова именуется исключительно императором. Надо было, видимо, земляным червяком называть. Между тем «император» – не положительная и не отрицательная коннотация, а всего лишь человек, управляющий империей или создающий ее.

То, что в жизни, наступившей ныне, императоров, видимо за отсутствием империи, уже нет, Тереховым не оценивается вообще никак. Сочинение его, притом что оно сплошь и рядом населено политиками и спецслужбистами, совершенно безоценочно. Вернее сказать, у Терехова, как и у всех вышеназванных, ощущение времени возникает не посредством позитивно или негативно окрашенного публицистического высказывания, но через атмосферу текста.

И атмосфера эта в той или иной степени определяется словом «морок». У Терехова замороченность всего происходящего чувствуется особенно остро, в меньшей степени это есть и у Юзефовича. Аномально поведение главного героя у Самсонова – что, собственно, отражено уже в названии романа. Аномальна, на наш вкус, и главная сюжетная коллизия «Цены отсечения» Архангельского.

То есть времена срослись, но, как ни странно, полегчало ненадолго. После прочтения каждой из этих книг остается горький осадок. Горчит по-разному – но горчит неизменно.

И не только по причине невольного погружения в эту выморочную, аномальную, нездоровую атмосферу.

Другой особенностью всех четырех книг является острое, порой даже патологическое, мучительное внимание к межполовым отношениям. У Архангельского это чувствуется чуть менее (хотя, пожалуй, он в этом вопросе циничней всех). У Самсонова, у Юзефовича и в особенности у Терехова сексуальные мотивы являются едва ли не навязчивыми.

Самсонов сохранил хоть какие-то признаки идеализма при взгляде на мужчину и женщину, Юзефович – почти уже нет, зато он самый, что ли, снисходительный из числа рассмат-

риваемых нами. В любом случае брезгливые, а иногда и злые описания греховной человеческой породы просматриваются у каждого.

Человек стыдится самого себя, человеком противно быть, мужчиной жить гадко, женщиной существовать омерзительно, а уж сходиться им друг с другом вообще не стоит – такая пакость получается! – вот о чем думаешь, читая, например, роман Терехова или некоторые страницы романа Юзефовича. Но и Архангельский с его главной сюжетной коллизией не многим лучше: там весь такой правильный, богатый, мужественный, красивый и явно симпатичный автору романа герой-муж объяснил героине-жене, что она «не слишком горяча», поэтому на полных основаниях он спит с кем считает нужным в целях личной гигиены, зато не заводит романов, потому что одно дело половые органы – их можно использовать как считаешь нужным, а другое дело душа – ее не запятнай. Самсоновский Камлаев из той же оперы, кстати. В романе Самсонова есть важный момент: когда Камлаев, знающий о том, что отец при смерти, все-таки отправляется на очередные блядки и, разумеется, возвращается оттуда уже к тому времени, когда родитель умер и остыл. Вектор последующей жизни героя заложен был именно в этот момент. Все умирает и остывает вокруг нас, а мы по-прежнему озабочены своими первичными и вторичными половыми признаками.

И в нас тоже что-то умерло, очень важное.

Посему и Камлаев в финале самсоновского сочинения бежит с младенцем, найденным на помойке, и хочет им спастись и оправдать себя; и бездетность тереховского героя показательна, и мотив взаимоотношений с сыном у Юзефовича тоже очень неслучаен, и последняя фраза романа Архангельского опять же обращена к сыну главного героя: мол, пришло время твоего выхода на сцену, Тема, а то мы здесь что-то не то делаем, как-то не очень у нас получается жизнь.

Нас, собственно, не столько волнует моральный облик героев всех четырех романов, сколько ощущение огромной пустоты, в которой мы, судя по этим книжкам, очутились. Была надежда на то, что дети своим присутствием в мире заполнят эту пустоту, но и она, признаться, оказалась несколько иллюзорной.

Мир, данный нам в этих сочинениях, имморален. И то, что происходит там с мужчинами и женщинами, – всего лишь наиболее удачный и простой способ эту имморальность выявить. В мире все меньше чувствуется наличие законов, сдерживающих нас и дающих нам право быть человеком, жить человеком, любить человеком.

В разные времена мы были беспощадными к себе и другим, были лживыми, подлыми, дурными, но никогда еще не было такого жуткого ощущения полной потерянности на свете и богооставленности. Даже когда в ходе социальных экспериментов крушили храмы и отменяли Бога – не было такого.

Пришло это ощущение только сейчас, непонятно откуда. Из замороженного воздуха.

Времена – да, срослись, но пока они срастались, человек в нас совсем истончился. Почти нет его, непонятно, в чем душа держится, и где она, и как с ней быть.

Расклад

Пойду на грозу, покажу ей «козу» *Заметки о мужской прозе*

Что с нами, мужчинами, делать – ума не приложу. Надо сразу пояснить, что мнение о российских представителях сильного пола у меня сложилось по книжкам, которые я прочел недавно.

Не то чтоб я мало общаюсь с живыми людьми, но мне правда кажется, что в книжках они как-то шире, лучше, яснее проявляются, чем в быту и в социуме.

Да и какая у нас жизнь: мы ж не в окопах сидим, и не дорогу сквозь тундру прокладываем, и не Зимний дворец штурмуем, а только в основном разливаем по стаканам.

Когда разливаешь – находишься, как правило, в состоянии радужно сияющей благодати и преисполняющей тебя душевной нежности; это, однако, не способствует логическому осмыслению происходящего, в том числе, говорю, не дает толком разобраться, что мы за люди такие, современные мужики.

А книгу открыл – и сразу понимаешь, с кем имеешь дело.

Читал я недавно роман замечательного, без дураков, писателя Андрея Рубанова с актуальным названием «Готовься к войне».

Главный герой – современный русский бизнесмен, серьезный парень, при деньгах, но еще способный и чувствовать, и любить, и страдать. Он, между прочим, готовится открыть (но так и не открывает) большой супермаркет под названием «Готовься к войне», где будут продавать все самое необходимое человеку в кризисной ситуации – от спичек и тушенки до валенок и телогреек.

Сам герой тоже все время вроде как готовится к войне. Он подобен пружине, он весь – как стремительная и почти уже металлическая мышца. Просчитывает каждый шаг, все делает очень быстро, не поддается панике, не суетлив... да что там говорить – он почти идеален.

Мало того, я вижу, что этот герой Рубанову тоже иногда нравится, и автор тайно любит его. А так как Рубанов писатель настоящий – то есть умеющий писать заразительно, – я тоже его героем почти всю книгу любовался... и лишь потом, уже ближе к финалу, стал немного раздражаться.

У меня возник всего один, но очень привязчивый вопрос: вот этот герой, он такой отличный, такой пружинистый, так отлично водит машину (специально ездил на автогонки за границу, чтоб подучиться), так правильно питается (морепродуктами в основном), так старается выстроить и упорядочить мир вокруг себя – чтобы что?

Да, да, я понимаю, что быть здоровым и быстрым само по себе лучше, чем больным и медленным, но я все равно не могу ни с кем разделить восхищения по поводу этого парня. Почти все его занятия – какой-то апофеоз беспочвенных понтов, никакого толка от него все равно нет, и, кажется, втайне сам Рубанов это прекрасно понимает. Ну, налоги он платит, ну и что – все платят налоги, Абрамович, наверное, тоже платит, и в огромных количествах. Что мне теперь, полюбить его?

Понимаете, к чему я? Мне вот тридцать с лишним лет, я ни разу в жизни не был у зубного врача – не было необходимости. Но это не значит, что я буду роман писать про свои здоровые зубы.

Наличие у нас зубов, быстрой реакции и хороших трицепсов еще не делает нас литературными героями.

Равно как и наличие страдающей души. Тут я уже к другому писателю хочу перейти, не менее замечательному, но по некоторым признакам вроде даже противоположному Рубанову.

Зовут его Дмитрий Новиков, он написал книгу рассказов «Вожделение», и не только ее.

Если главный лирический герой романов Рубанова (а романов у него несколько, и все отличные; первый – так вообще классический) – городской мужчина, штурмующий и преодолевающий жизнь, то лирический герой книг Новикова (у него их три, и все отличные, особенно дебютная) обитает в основном в сельской местности, поближе к воде, и жизнь скорее созерцает.

Но на этом, как ни странно, основные различия меж героями заканчиваются.

Герой Новикова – тоже сильный, страдающий, смелый, большой, уверенный в себе, но еще и рефлексирующий при этом. То есть не только мышцы и половые органы на нем компактно размещены, но и сердце есть, и оно ой как болит.

Новиков также своим героем любит и делает это умело, так как и он писатель настоящий. Когда Новиков, к примеру, описывает, что у героя ноет в беспричинной печали сердце, – этим страданием заражаешься настолько, что сам начинаешь себя как-то неважно чувствовать.

Но я тут опять вспомнил про свои зубы, которые незнакомы с инструментарием стоматолога, и подумал вот что. А если б они у меня болели – это было бы поводом, чтоб написать роман, или нет?

Собственно, чем занят лирический герой Новикова? Он ездит на рыбалку. Половина рассказов Новикова имеют идентичный сюжет: герой один, или с женщиной, или с другом едет к морю (или к реке, или к озеру). И наличие близости большой, бурной, холодной воды каждый раз позволяет ему заново осознать, где свет над ним и где тьма, где бесы вокруг него и где ангелы, где сердце у него и где печень.

Однако новиковский пафос в определенный момент становится просто невыносимым. Потому что в сухом остатке все то же самое: ну съездил твой герой на рыбалку, ну развел костер, ну рыбу поймал. Я готов восхититься этим раз, готов два, но я не могу им все время восхищаться – он еще что-нибудь у вас умеет?

Он же, в конце концов, не в изгнании находится, не в тюрьме, не на войне – какого черта он тут страдает с утра до вечера со своей удочкой?

Рубанов, судя по его романам, к советской эпохе, равно как и к советской литературе, относится с безусловным уважением. Новиков, судя по его книгам, все большевистское не приемлет на дух, прямо-таки ненавидит тяжелой, свинцовой ненавистью – в том числе и книги той поры (если, конечно, их авторы не были явными или тайными диссидентами).

Однако отличие и рубановского, и новиковского героя от героев хоть советской, хоть антисоветской литературы, по большому счету, одно, и оно очевидно. Мужик из тех книг был готов сострадать, тем мужиком я готов был восхищаться, потому что если он мучился – то мучился по делу, а если чем-то занимался – то это было реальное занятие, большая работа, настоящий труд.

Давайте на время куда-нибудь спрячем свой глупый скепсис и спокойно перечитаем «Время, вперед!» Катаева, «Поднятую целину» Шолохова, «Дорогу на Океан» Леонова, «Большую руду» Владимова, «Место действия» Проханова – и сразу все станет на свои места. Там работа, нет, даже так – рrr-работа кипит! – и да, делает человека человеком, и авторское восхищение героями выглядит вполне понятным, обоснованным.

А Макаренко с его беспризорниками и их воспитателями? А фантастика от Беляева и Ефремова до ранних Стругацких? А крестьянские саги Алексеева, Проскурина или Ива-

нова? А все остальные альпинисты, подводники и летчики, которые неустанным косяком шли и шли на грозу?

То же самое и с эмигрантской литературой: начиная от «Вечера у Клэр» Газданова и «Подвига» Набокова, вплоть до лимоновского «Это я, Эдичка». Там то мука изгнания, то борьба за выживание, а то и первое, и второе, и еще и Гражданская война, которая то ли позади осталась, то ли впереди маячит, – и как тут не сострадать героям, как не восхищаться ими?

Современного мужика, судя по литературе, некуда приспособить. То ли почвы нет под ним, то ли неба над ним, а может, ни того, ни другого не осталось.

И мне не жалко его, сколько бы писатели ни раздували мехи моей жалости.

Что-то в психике нашей сдвинулось, раз мы не можем себе представить ни в жизни, ни в литературе, ни на экране хорошего, умного, занятого серьезным делом мужика. Они, может, и есть, но отчего их так сложно разглядеть? Почему мне до сих пор верится в офицеров Бориса Васильева, плотников Василия Белова, ученых Даниила Гранина – но если мне сегодня покажут офицера, плотника или ученого – да такого, чтоб весь вид его источал мужество и радость жизни, – останется ощущение неистребимой фальши, которая ни в какое сравнение с советской лакировкой не идет? Действительно ведь не идет – потому что ни один нормальный писатель не возьмется описывать таких героев, рука не поднимется.

Описывают других, какие на виду и более реальны.

И это мы лишь по случайности взяли Рубанова и Новикова. Могли бы взять «Списанные» Быкова или «Асфальт» Гришковца, последние книги повестей Романа Сенчина или Ильи Кочергина – везде одна и та же картина.

Разница лишь в деталях: Быков и Сенчин прекрасно понимают, кого они берут в качестве героев, и относятся к ним как минимум равнодушно, зато Гришковец и Новиков своих героев просто обожают и нам предлагают заняться тем же.

Но чаще всего герои их занимаются какой-то маловажной ерундой, требуют, чтоб их любили за то, за что любить их вовсе не обязательно. И война, к которой они якобы готовятся, какая-то эфемерная, и гроза, на которую они якобы идут, тоже какая-то ненастоящая...

Единственное, во что веришь, – так это в то, что у них иногда по-настоящему болит внутри.

Еще бы не болело – при такой бестолковой жизни, где к каждому глаголу (сумеет, сделает, сможет, победит, ошастливит) нужно прибавлять наречие «якобы».

Вот и возвращаемся мы к тому, с чего начали: что с нами, мужчинами, делать – ума не приложу.

Ночи нет

Заметки о женской прозе

14 : женская проза «нулевых»

(М. : Астрель, 2012)

Здесь нет мужчин.

Речь не о том, что мужчин не обнаружилось среди авторов, – это ж антология женской прозы, им и делать тут нечего.

Мужчин почти не видно в текстах.

Есть дети, есть отцы, деды – а собственно мужчины героинь будто бы запропали куда-то.

Видимо, это миф, когда говорят, что мужчины вполне могут обойтись без женщин, зато вот женщины без сильного пола не могут совсем, никак.

Могут.

По крайней мере, с недавнего времени.

Мир, описанный в этой книге, движим женщиной. Женщины здесь – тихие подвижники не быта (или не только быта), а бытия.

Не сказать, что мужчины вовсе ни при чем: их, в общем-то, еще ждут, по ним даже скучают – но они все равно где-то на периферии женского зрения и сознания.

На мужчин будто бы махнули рукой: что взять с них – нечего.

Мужчина никакой не центр женского мироздания – как зачастую кажется самим мужчинам. В лучшем случае это нелишний атрибут. Только непонятно чего. Никак не счастья.

Читая эту книжку, очень хотелось понять, как эпоха отражается в женских зрачках, что за вкус у нее, что за цвет. Какие детали эпохи наглядны, каких нет вовсе.

И в первую очередь выяснилось, говорю, что тут нет мужчины-героя. Во всех смыслах слова «герой».

Нету его.

Есть Аркаша в повести «Вариант нормы» Анны Андроновой – но он скорее сын своей матери, зато муж никакой, да и будущая жена тоже воспринимает его как большого непричесанного ребенка.

Муж время от времени бросает реплики в другой повести Андроновой – «Я не зайчик», но он во всей этой круговерти событий все равно эпизодическое лицо, он почти случаен в семье: за все время повествования его с трудом хватает на то, чтоб приделать уши маске зайца. Дальше он опять засыпает и спит. Все время спит.

Гриша в «Кукуше» Майи Кучерской – тоже почти сын героини; в любом случае не муж точно. Муж, правда, у нее тоже есть, но он в буквальном смысле убегает. Не смог перенести ожидания – жена застряла в лифте, и пришлось полчаса ее ждать. Разве это возможно? Сбежал.

Женщина рождает у Ксении Букши в рассказе «Ночи нет» – муж не сбежал и даже, что удивительно, не спит, но все равно где-то далеко, и в своей дали он тоже какой-то перепуганный и суетливый. Кричит жене, страдающей в родовых схватках: «Ну, ты давай!». «Даю», – отвечает ему она.

Одна бабка Мамаиха у Анастасии Ермаковой вспоминает, что будто бы ее когда-то украл жених, но когда это было! Может, этого жениха и не существовало вовсе.

Да, в рассказе «Фотографии» Кучерской целая череда замечательных мужчин – но они все умерли давно. В 1920 году, в 1937-м, в 1943-м. Только на фотографиях и остались.

Есть вроде как мужчина в рассказе Анны Козловой «Однажды в Америке» – но вообще, какое он имеет там значение? Он носитель мужских половых признаков, и больше ничего. «Никаких отношений нет, – меланхолично, как о давно отболевшем, говорит героиня Козловой. – Никакой любви нет. Он просто хочет секса. Просто секса. Секс – это не плохо. Когда занимаешься с мужчиной сексом, может даже показаться, что ты нужна ему. К черту все».

Героиня рассказа «Тихий ужас» Наталии Ключаревой появляется на заброшенной окраине города одна, с ребенком – и тоже без мужчины. Где он? О нем даже не упоминается.

Есть в «Танюше» Полины Клюкиной мужик – сидевший, стрелявший, ломаный, – но это и не человек уже, а то, что от него осталось. Ничего уже почти не осталось, прямо говоря. Пока он дотащил свою любовь до Танюши, даже речь его стала то ли лаем, то ли воем, а у самой Танюши вырезали матку.

Лучше бы эти мужчины и не появлялись вовсе.

В рассказе «Татина Татитеевна» Марины Степновой у героини рак. Муж героини держится изо всех сил, но все-таки однажды не вытерпит и прошипит жене: «Когда же ты наконец подохнешь...»

Единственный любимый женщиной мужчина на всю эту книгу – муж героини в повести Анны Старобинец «Живые». Но он, к сожалению, умер. Его, кажется, убили.

Еще когда-то был любимый мужчина у героини по кличке Росомаха в рассказе Ирины Мамаевой, но, как вы, наверное, уже догадались, он тоже умер. Утонул.

Такая вот картина.

Впрочем, что это я. У той же Старобинец в рассказе «Семья» главный герой как раз мужчина. Кажется, неплохой парень, зовут Димой, собак дрессирует, пьет не больше четырех дней подряд. Одна печаль: он потерялся – как мужчина, как отец и как герой. Потерялся до такой степени, что даже автор рассказа не в состоянии его найти и определить куда-нибудь. Прочитайте – и поймете, о чем я.

Пишущим женщинам некуда определить мужчин. Пользы от мужчин никакой – только морок, стыд, смерть. Любить их возможно только мертвых.

Характерно, что женщина во всех вышеназванных текстах все-таки изо всех сил живет и не сдается до последней минуты. Хотя жить ей приходится, судя по некоторым внешним признакам, в настоящем аду.

Бессонный, полный неизлечимыми болезнями и неистребимыми проблемами женский ад в повести Андроновой «Я не зайчик». Тихий книжный ад в рассказе Степновой «Бедная Антуанетточка» и вполне себе оформившийся ад в ее же рассказе «Татина Татитеевна». Как на отломившейся льдине в мерном, бредовом аду плывет героиня «Оттепели» Полины Клюкиной. Прочь из ада покупает билет героиня рассказа «Тихий ужас». К слову сказать, название «Тихий ужас» можно дать любому из текстов этой антологии, и оно будет очень кстати.

В свой личный ад спускается героиня «Кукуши» Майи Кучерской, которая после посещения старца выкрикивает в окно своей машины бесовский рэп:

Старцы все перемерли!!!
Старцев на свете нет!
Они!
Давно!
Сдохли!
Христиане скушали!
Их!
На обед!

Но, знаете, женщины как-то понемногу обустроиваются даже в аду.

Находят там какую-то стеночку, чтоб повесить любимую фотографию, приступки, чтоб постелить половичок, кнопку в черной комнате, чтоб вызвать монтера и включить свет, огонь, чтоб подогреть ребенку завтрак. Ребенка надо накормить обязательно. Если не ребенка – то кого угодно тогда: старушку, собаку, соседа.

У Росомахи в рассказе Мамаевой, как мы уже знаем, утонул муж, но она собрала целую колонию из алкоголиков, бывших уголовников и бомжей: холит их, лелеет и хранит, приучила работать и жить, жить, жить дальше. Потому что они сами давно разучились это делать.

«Христос воскресе», – говорит в рассказе Кучерской героине Кукуше наркоман и негодяй Гриша. «Ладно, можно еще пожить», – решает героиня легко и крепко.

Непрестанный тихий ужас клубится вокруг женщины – но он не уживается внутри нее. Даже в душе никому не нужной целую жизнь бедной Антуанетточки не уживается.

«Я жива, здорова, свободна! Я хожу, говорю, могу поднять лицо вверх и увидеть солнце, и небо, и грачиные гнезда на липах. Могу дышать, и смеяться, и прыгать на одной ножке. Могу вызвать огонь, а потом прекратить горение. Я обычный человек, как все, совершенно нормальный и сама могу выбрать, быть мне счастливой или несчастной. Я могу все», – говорит героиня «Варианта нормы» Андроновой.

Как это просто, точно, не по-мужски: я сама могу выбрать, быть мне счастливой или несчастной, – я могу все.

Мужской вечер превращается у Алисы Ганиевой в ночь, а для женщины ночи нет: какая же это ночь, в конце концов, когда у Букши пришлось всю ночь рожать нового человека, Росомаха искала весь день и все-таки нашла своего потерявшегося алкоголика, а героиню «Недального плаванья» погладил по щеке когда-то бросивший ее отец.

Мужчины растворяются в темноте. Женщина выходит на свет: у нее нет другого выхода.

Ночи нет. Нет.

Публицист и К°

Дмитрий Быков Календарь (М. : Астрель, 2011)

Книжка «Календарь» составлена из статей, посвященных по большей части литературе, кино и политике. Здесь органично чувствуют себя в ближайшем соседстве Че Гевара, Калиостро, Екатерина Великая, Дэн Браун, Зощенко, Менделеев, Хичкок, Натан Дубовицкий и Эразм Роттердамский.

Полагается в который раз поразиться эрудиции автора – и я действительно поражаюсь. Другого человека, читавшего всего Федина, изучившего биографию Фиделя, посмотревшего всего Феллини и во всем этом отлично разбирающегося, я не знаю. (И это только на букву «Ф».)

Недоброжелатели любят чуть что говорить о том, что Быков поверхностен, – ну так пусть отведут нас туда, где в противовес поверхностному Быкову в очередь выстроились люди с глубоким научным знанием хотя бы трети тех вопросов, о которых идет речь в книжке «Календарь».

Обо всем судить не берусь, но в «Календаре» есть статья про Леонида Леонова (среди, замечу, 84 других статей). Мне выпала честь написать об этом великом писателе книгу, я читал и перечитывал весь свод его текстов в течение полутора десятилетий и еще безвылазно четыре года сидел в архивах и тщательно изучал всю литературу о Леонове.

Я хочу сказать, что Быков знает Леонова уж точно не хуже меня – он внимательно читал все его тексты (весьма объемное ПСС), воспоминания и свидетельства о нем, а заодно очень точно подметил какие-то вещи, до которых я так и не додумался.

Если здесь присутствуют специалисты, тщательно изучившие жизнь и, так сказать, творчество Фаддея Булгарина, Константина Победоносцева, Энди Уорхола, Патриса Лумумбы, Бориса Слуцкого и О. Генри – обо всех вышеназванных в «Календаре» тоже идет речь, – то пусть они поправят Быкова. Я не смог.

«Календарь», впрочем, нисколько не сборник биографий, а скорее, как чаще всего у Быкова и получается (даже в случае со стихами и с некоторыми романами), свод философических писем о прошлом и будущем России.

Надо признать, что я в очень и очень многом согласен с Дмитрием Львовичем и сам, насколько могу, своими словами талдычу все то же самое.

О том, что при всех своих наглядных недостатках и вопиющем ханжестве Советский Союз был куда более сложносочиненной системой, чем то, что мы наблюдаем ныне.

О том, что нашу страну может спасти только некое братское сверхусилие – с любой поставленной народом пред собою задачей, лучше даже нереальной. Главное, чтоб в решение этой задачи были вовлечены все граждане страны, включая находящиеся у кормила (и поила).

Быков ведь нисколько не либерал, как часто думают мои мрачные сотоварищи почвенники и патриоты.

Но лишь только начинает Быков рассказывать про этих самых почвенников – все сразу во мне восстает и вопиет.

То он расписывает, какую мрачную книгу о звериной казачьей междоусобице написал Шолохов, и резюмирует в конце: «Патриоты, откажитесь от Шолохова. Он – не ваш».

А чей, Дмитрий Львович? Их?

Велика ли, по совести говоря, в русской литературе новость написать про то, как богоносный наш народ обретает признаки чудовища? В «Капитанской дочке» детей вешают, жрут друг друга поедом у Лескова и Тургенева, а что творится в чеховских «Мужиках» и «...оврагах» – не приведи Бог во сне увидеть. Да и Валентин Распутин не пасторали рисует. Тоже все не наши?

Чьих будете, классики?

Замечательно, что у Быкова есть другая статья с тем же самым финалом, но про Есенина. Патриоты, мол, откажитесь от Есенина, он в лучших своих творениях не блатной пастушок, а гений и новатор – то есть никак не ваш.

В «Календарь» статья о Есенине не вошла, но общий смысл суждений ясен. Осталось разобраться – с кем там? – с Ломоносовым, Кольцовым, Клюевым да Василием Беловым – и оставить почвенникам, дай ему Бог здоровья, Егора Исаева.

В другой раз, в статье «Телегия», Быков пародирует среднестатистическое почвенническое сочинение начала семидесятых.

В родную деревню возвращается сын, ныне городской житель, выбившийся в начальники. При нем молодая жена – эдакая фифа. Дома маманя и отец-ветеран. К вечеру, сдвигая столы, собираются соседи, доярки и механизаторы. «Гордая мама, – пишет Быков, – не налюбуется на сына, но в город переезжать не хочет, да и невестка ей не шибко нравится – наряды хапает, а ухвата ухватить не умеет».

Смешно. И все правда ведь – такого добра было полно.

Утром, страдая с похмелья, батя и сын курят, сидя на порожке дома, – и хоть финал сочиненья остается открытым, все понимают: сынок бросит свой город и вернется к истокам.

«Русское почвенничество как антикультурный проект» – таков подзаголовок быковской статьи.

Поднимаем руку и просим слова.

Товарищи, а что у нас с, так сказать, среднестатистическим антипочвенническим сочинением начала семидесятых (а также восьмидесятых, девяностых и т.д. – мастера старой гвардии по сей день иногда работают в подобном жанре)?

Что, это блюдо было много вкусней или с большей фантазией делалось?

Всем памятен их одинаковый, из текста в текст кочующий лирический герой, перманентно пьющий, неизменно ироничный – ну почти как герой Хэма, только опущенный в Советскую Россию.

Впрочем, остроты его почти всегда отдавали так называемым «парадным», сиречь подъездным, юмором. Знаете, когда сидит человек на вечеринке, все шутят и смеются, а у него никак не получается сострить. Потом праздник заканчивается, гости одеваются и по дороге домой наш неудавшийся остряк вдруг начинает придумывать: а вот в этот момент надо было б вот так бы сказать... а тогда если б я так вот пошутил – о, все умерли б от хохота.

Подобным образом шутят лирические, «антипочвеннические» герои – придумывая ситуации, в которых они повели себя вот так и вот эдак, – и можно даже посмеяться иногда, но ощущения, простите, художественной правды все равно как-то нет.

Неустанно, как заводной, иронизируя, лирический герой перемещается из точки «А» (скажем, из коммуналки, где хамливое простонародье жарит свою вечно вонючую картошку) в точку «Б», по дороге забегая к своей грустно, но красиво стареющей маме, одинокой и интеллигентной, – отца нет, он известно куда канул, без права переписки.

Прощавшись с матерью, герой, движимый сложным вихрем чувств, едет куда-то в сторону полуострова Крым или Прибалтики (но не в Казахстан, не в деревню, не в Сибирь – это почвенники пусть туда едут).

За спиной у него любовная история, от нее в тексте только тень; намек, но ясно, что любовь истаяла.

В поезде наш лирический герой немедленно осаживает очередного потного хама: он это умеет, вы не смотрите на его сложную человеческую натуру – когда морда просит в морду, этой морде достанется непременно. По-прежнему, конечно, пьет алкоголь, и мы, безо всяких авторских ремарок, понимаем, что безвременье топило в водке их.

В поезде все время туда-сюда ходит хамовитая, вульгарно покрашенная проводница, которую вконец отчаявшийся герой под утро, прямо в тамбуре... ну да, надо ж как-то выплеснуть свою боль.

Финал рассказа открытый, но мы осознаем, что безвременье-таки догубит этого отличного парня и водка выжжет его душу и пищевод.

Такая вот история. Вернее сказать, и такая тоже.

Средней руки деревенщики, как умели, проповедовали, в сущности, хорошие, добрые вещи: раденье о своей земле, любовь к березкам, нежность к осинкам, жалость к кровинкам. Ну а если почвенный герой прихватывал за бок Клавку из сельпа (это слово, как верно замечает Быков, почему-то склонялось) и выпивал лишнего на посиделках – так кто ж бросит в него камень, когда все мы люди, все мы человеки.

Противуположная сторона болела о своем – о растоптанном человеческом достоинстве, – хотя делала это не без, прямо скажем, желчи, не без некоторой даже злобы, и все терзала и терзала несчастную проводницу (некоторым образом символизирующую *эту* страну, которая, как казалось автору, ему не давала), – но и здесь мы не осудим героя, ибо он жил как умел, и кто ж скажет, что он действительно не страдал.

Просто если описанная Быковым «телегия» – это «антикультурный проект», с чего б «культурным проектом» быть тому, что чуть выше описали мы?

Быков, скорее всего, так и не думает. Просто в «Календаре» он ничего по этому поводу не написал. Пришлось уточнить.

Василий Голованов **Сопrotивление не бесполезно** **(М. : Культурная революция, 2010)**

Надо признаться: в девяностые годы мы, по сути, проглядели целое писательское поколение. Пока, сменяя друг друга, шла плотным потоком то «возвращенная», то «эмигрантская» литература, читатель так толком и не разглядел ту генерацию, которая и должна была называться «новым реализмом» (и которую «открыли» только спустя десять лет в связи с совсем другими именами).

Но тогда до реализма вообще никому никакого дела не было – занимались в основном затянувшимся расставаньем с советской властью («Уходи, проклятая, как я тебя презирал... Нет, постой, я еще не все тебе высказал!»); так долго препирались, что она в итоге вообще никуда не ушла).

Ну, получил еще тогда свою долю известности Олег Павлов (Букер все-таки). Ну, есть еще Алексей Иванов, чей, впрочем, приход в литературу задержался как раз на эти десять лет. Ну, обрел в «нулевые» известность (и то в качестве серийного поставщика высококачественных биографий) Алексей Варламов.

Зато вся остальная компания до сих пор неизвестно по какому ведомству числится: Михаил Тарковский, Влад Отрошенко, Александр Титов, Антон Уткин и, в моем понимании, поколенчески и тематически примыкающие к ним Олег Ермаков, Александр Кузнецов-Тулянин...

И Василий Голованов, конечно.

По гамбургскому счету вышеназванные – цвет и самый сок новой русской прозы, однако широкого читателя об этом так и не осведомили. Положа руку на сердце: это поколение в чем-то (а то и во многом) превосходит генерацию «нулевых» – однако нам с товарищами внимания досталось не в пример больше.

Почти все, о ком ведется речь, так или иначе собрались вокруг «Яснополянской премии» – и бывали там ежегодно. (В эту компанию, к слову, мог попасть еще один хороший прозаик, Дмитрий Новиков – его зазывали. Однако злые люди нашептали Новикову, что в Ясную Поляну одни антисемиты ездят, и он, даром что белобрыс и наскрозь русак, напугался.)

Голованов в свое время выпустил в серии «ЖЗЛ» книгу «Нестор Махно» и еще сборник прозы «Время чаепития». Однако самой большой его удачей стала чудесная книжка «Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий». В 2008-м она получила престижную французскую премию «Лор Батайон» – за лучшую иностранную книгу года. Есть ощущение, что во Франции Голованова и по сей день знают лучше, чем здесь.

Об этом, в числе прочего, тоже идет речь в сборнике «Сопrotивление не бесполезно».

Там три отдельных эссе, изначально, казалось бы, вовсе ничем не связанных. Первое, «Ты, я и конец света» – об экологии, второе, «Французский дневник» – про то, как Голованов две недели был известным писателем, и третье – «Эпоха рок-н-ролла».

Название у книжки такое, что впору обнаружить под обложкой чегеваровский драйв про «делайте бомбы, готовьте дружины», – но нет, Голованов выступает в безупречно исполненной роли заблудившегося в нынешних временах человека просвещения, гуманиста, русского, в конце концов, интеллигента.

Снедаемый болью, а то и ужасом, он все равно с завидным спокойствием, не повышая голоса, несколько даже монотонно поясняет, что глобальное потепление коснется и России... что масс-культура – это спам цивилизации... что нужно отказываться от производства

и потребления пластика, так как в Тихом океане уже плавает «пластиковый суп» величиной с Францию... что перенаселение планеты приведет к неизбежным уже последствиям – например, французы будут как кофе с молоком (хорошо еще не как «пластиковый суп»).

Про то, какими станут русские, Голованов ничего не говорит – может, не обнаружил на столе подходящего напитка в качестве сравнения, – однако и нам тоже, утверждает автор, не отвертеться от мигрантов. Размножаться теперь будем вместе.

Голованов видит сопротивление – в осознании. Революции, в его понимании, никогда не достигают поставленных целей и, значит, бесполезны. Небесполезно сопротивление разума и воли.

Переход от экологической темы к неожиданному рассказу о том, как у Голованова вышел «Остров» во Франции, только в первые минуты кажется полной сменой тональности. На самом деле автор пишет все о том же. На книжном фестивале в Сен-Мало он знакомится с десятками писателей из разных стран, которые пишут книги о – в самом широком смысле – путешествиях. Кто-то едет на Чукотку, чтоб рассказать о местных «детях кита», брошенных всеми, – и остается жить среди них. Кто-то едет в Африку и, забыв самое себя, проходит с местными одичавшими мигрантами все их адские пути. Кто-то селится в северном поселке Гренландии, среди эскимосов, где мужчины еще шьют каяки, а женщины строят дома из земли.

Все это – воплощение головановской идеи о необходимости поиска новой парадигмы мышления. Она не вненациональна – она лишь расширит наши представления о национальном и о человеческом. О героике и борьбе, наконец.

В эту картину органично вписывается история знакомства Голованова с Армани Гатти – бойцом Сопротивления, поэтом, анархистом, революционером, создателем собственного театра. «Если театр – это не борьба, – говорит Гатти, – то он не имеет смысла».

И отсюда всего один шаг к третьему эссе.

О том, как страшно, когда дух музыки покидает нас. О том, что у современных людей в наушниках на удивление каменные лица – ни радости, ни любви, ни ненависти на них не отражается. «И вполне может статься, что Курт Кобейн так надрывно воет из глубины своей сучьей смерти именно потому, что знает: обращается к глухим...»

Голованов блестяще знает рок-музыку, что для советских людей его поколения редкость. Тут, видимо, сказался семейный статус: он был сыном активно выездного советского журналиста и, наверное, имел доступ ко многим новинкам. Как и большинство выросших на хорошем корме детей той элиты, Голованов советскую власть ненавидит, но, к счастью, вспоминает про это крайне редко. Проще сказать – вообще не вспоминает.

Пишет он как раз про другое. Карнавальная революция рок-н-ролла, утверждает Голованов, тоже проиграла. «Чем шире становилась аудитория... тем пассивнее. Не было уже равноправных участников праздника... была огромная толпа, которая пришла ловить кайф и пожирать эмоции...»

Однако то, что бойцы рок-н-ролла сумели завоевать для нас, – осталось при нас. Это свобода.

В том числе свобода выбора.

Так что, дочитав книжку, можно начинать ее сначала и все-таки сделать личный выбор и по поводу всевозможного спама, пластикового супа и кофе с молоком. Пора уже определяться.

Михаил Елизаров Бураттини. Фашизм прошел (М. : АСТ, 2011)

Это самая смешная книжка у Елизарова. То есть, грубо говоря, романы его вообще не смешные, хотя мрачный елизаровский юморок там чувствуется на второй горизонтали. Рассказы иногда почти уже смешные – но там такой ужас описывается всегда, что в итоге все равно не до смеха.

А тут перед нами сборник эссе, имеющий восемь разделов: «Мультфильмы», «Сказки», «Фильмы», «Предметы», «Фантомы», «Мой Арбат», «Города», «Разное».

Смешно постоянно, хотя Елизаров разговаривает так, что неясно, то ли автор все это всерьез и, значит, мир сошел с ума, то ли автор виртуозно валяет дурака и, значит, мир на своей оси.

От песен Елизарова (он еще и поет) эффект почти такой же. Не слышали его песню «Зла не хватает» с рефреном «Пошли вы на хуй со своим исламом»? Или другую, про «Налич, уезжай как Галич»? Знаете, наверное, и не слушайте. Я один пока послушаю. А то мало ли что.

А вот сборник все-таки почитайте.

В первом разделе Елизаров блистательно доказывает, что Заяц из мультика «Ну, погоди!» – сексуальный объект для Волка. «Кокетливо вскрикивает женским голосом, заманчиво убегает, надевает рыжие парики, платья». Сам Волк «комичен своей гомосексуальной перверсией, выражающейся в первую очередь в одежде. Розовые рубашки с глубоким вырезом, костюм “морячка” – также известное гомосексуальное клише».

Аргументация там более чем обширная, не нацитируешься.

Разобравшись с культовыми советскими мультямами, Елизаров принимается за сказки. Хоттабыч – это, оказывается, предупреждение. «От Хоттабыча больше неудобств, чем пользы. Он поселяется у Вольки под кроватью. Довольно меткий образ. “Понаехавшая” Азия, в сущности, поступила так же – поселилась под московской кроватью. Не то чтобы совсем мешает, но уединения уже нет, как в коммунальной квартире».

Помимо Хоттабыча харьковский литератор бесстрастно препарировал Колобка, Незнайку, Снежную королеву и трех поросят, один из которых, Наф-Наф, оказался каменщиком, сиречь масоном.

Еще там появляется Буратино, который, как выяснилось, имеет некоторое отношение к Муссолини. А заодно и к Лимонову. «Буратино смел, весел, беспринципен и при этом неистребимо обаятелен. (Если бы из писателя Эдуарда Лимонова изъять половину его души, которую занял страдающий лирик Пьеро, то Лимонов был бы земным воплощением Буратино.)»

После сказок достается кино – «Мухе», «Собачьему сердцу», «Кинг-Конгу».

Потом, жмурясь от ужаса, в руки к Елизарову идут целые города, от Ивано-Франковска до Москвы. Я даже цитировать это боюсь.

Елизаров обладает несомненным даром почти гипнотической убедительности. Есть подозрения, что он очень ровным тоном может доказать любую кромешную чепуху.

Обратите внимание на стилистику этой книги: автор на самом деле никогда даже не пытается пошутить. Там нет никаких ужимок и ухмылок. Интонации его академичны, аргументация сплошь и рядом научная. Читатель все ждет и ждет, когда автор расхохочется и скажет: «Здорово я тебя разыграл!» – но он все никак не расхахатывается.

Видимо, особый елизаровский гипнотизм немислимым образом вынудил букеровское жюри дать ему в свое время премию. Дело в том, что, если бы в России проводили конкурс «Кому “Букер” в России достаться не должен ни при каких условиях?», Елизаров выиграл бы его с абсолютным отрывом. Но выиграл он не этот конкурс, а все-таки «Букер».

После этого Букеровский комитет понемногу сошел с ума и премия погибла. По крайней мере, на время.

Быть может, этот харьковский гость – носитель неведомой бациллы, и лучше бы его вообще изолировать от разумных и воспитанных людей?

Но, может быть, напротив, Елизаровым стоит прививать определенные болезни.

Попробуйте на себе, в общем. Расскажите потом, что получилось. Если найдете нужные слова.

Герман Садулаев Марш, марш правой! (СПб. : Лимбус Пресс, 2011)

На обложке книги – Герман, и он улыбается. Улыбка лукавая, глаза, как в том анекдоте, добрые.

В книжке три раздела: «Нация» (где речь идет в основном о России вообще), «Родина» (там про Чечню), «Социализм» (тут по большей части о финансовом кризисе и путях выхода из него).

Садулаев будто бы прогуливается вдоль и поперек наших политических и социальных ландшафтов, заглядывает то туда, то сюда и комментирует увиденное. В основном издевается. Ну хорошо – не издевается, а слегка иронизирует. Получается все равно очень обидно.

Вот видит Герман русского националиста и говорит ему: «Видел я вас, русских националистов. Жопы отъели, на стульях не помещаются.

Где вы были, когда русские старушки в грозненском доме престарелых умирали с голода под бомбежками? Жопы отъедали? Жирок копили в Москве златоголовой?

Почему не вы приехали, а кришнаиты... почему они – не вы – развернули полевые кухни и под пулями, под осколками варили старушкам, и русским, и чеченским, свои индийские каши?»

Вроде бы хочется ответить: а кто тебе право дал, недобитая чеченская сволочь, повышать голос на моих русских братьев? Но вообще Герман на русском говорит и пишет лучше всякого русского националиста, да и мама у Германа русская и к тому же преподавала литературу в Чечне. Отчего бы ему не высказаться? Приходится слушать.

Вот Герман заглядывает в Чечню – там как раз заправляет делами Кадыров-мл., который однажды в прямом эфире заявил, что писателя по фамилии Садулаев в Чечне нет. Оттого что этот Садулаев позволяет себе сомневаться в благом влиянии на чеченских мужчин активно насаждаемого адата.

В Чечне тоже то ли очень смешно, то ли очень грустно. Там, согласно полицейским сводкам, спецназы блокируют и уничтожают кусты конопли, видимо, по той же тактике, как в свое время блокировали и уничтожали боевиков: окружают, предупредительный в воздух, вперед, ребята. Там, согласно решению президента республики, разрешено многоженство, но вторых жен упорно не пускают в дом первые жены, потому что они главней любого президента. Там Кадырову-мл. слагают оды и читают их в школах на утренниках, однако, например, во всем Шали нет ни одного книжного магазина.

Вроде бы хочется ответить: а кто тебе дал право, растленный питерский сочинитель, клеветать на свободолюбивую республику? Но вообще Герман рожден чеченцем, и детство, и юность провел в Шали и достойно (а не как некоторые) представляет в России чеченский народ, и самая главная его (на мой вкус) книга так и называется «Я чеченец!». Отчего бы ему не высказаться? Приходится слушать.

Или вот Герман выступает в качестве критика капитализма и либерализма, что тоже, прямо скажем, любопытно.

В процессе размышлений приходит он, как сам это называет, к «меланхоличным» выводам: «Идеальный капитализм невозможен, так же как и идеальный социализм, и ровно по той же причине – из-за несовершенства человеческой природы».

Заодно Герман, не увязая в теориях, на примере жизни продавца картошки Петра весьма доступно рассказывает об устройстве товарно-денежных отношений в современном обществе: «Финансовая надстройка над экономической начинает жить своей, отдельной

от экономики жизнью. Сначала продается несобранная картошка, потом обещание продать непосаженную картошку, потом под залог купленного обещания продать картошку берется кредит, а на эти деньги покупается гарантия поставки в следующем году шкуры неубитого медведя. В общем, начинаются сплошные деривативы. Все большее количество людей и ресурсов вовлекается в спекуляции на финансовом рынке.

В один момент надутый шарик говорит “бум”! Финансисты спешно “выходят в кэш”, то есть обналичивают результаты операций. А страдают больше всего не спекулянты, а реальные производители».

Вроде хочется ответить: кто позволил тебе, лузер, повышать голос на лучшую из возможных социально-экономических формаций? Может, ты это делаешь потому, что кому-то удалось обналичить кэш, а тебе, леваку и маргиналу, нет?

Но вообще Герман получил самое что ни на есть капиталистическое образование, ведет самый что ни на есть капиталистический бизнес, и еще один капиталистический бизнес ведет его жена. Отчего б ему не высказаться? Приходится слушать.

Некоторые вещи меня, например, просто огорошили.

Вот, к примеру.

«...Еще недавно... с телеэкранов и высоких трибун нам заявляли, что бюджет РФ планируется и исполняется с профицитом... А я испытывал стойкое недоумение. Как-то это не вязалось с основами бюджетного права... Сбалансированный бюджет – это идеал, почти не достижимый. Дефицит бюджета – привычная практика, дефицит покрывается заемными средствами. А профицит – это нонсенс. Профицит значит прибыль. Но государство не коммерческая организация и не предназначено для получения прибыли.

Все доходы государства должны быть потрачены на политические, экономические и социальные программы. Планировать бюджет с профицитом нельзя, это вопиющий непрофессионализм либо государственная измена.

Государство не коммерческая организация и не домохозяйство. Оно не может спрятать деньги под подушку. Любая суверенная страна – это в той или иной степени закрытая финансово-экономическая система. Если государство делает заначку в самом себе и хранит несметные сокровища в заросших паутиной подвалах, то оно обманывает и обкрадывает само себя, так как изымает эти средства из экономики, отказывает себе в развитии, толкает вперед дефляцию... Если же государство хранит депозит в другом государстве, то это вообще самый цимес: оно прямо финансирует развитие другого государства вместо своего».

Что вы по этому поводу думаете, господа?

Как-то Джаггер спросил у Леннона (или наоборот, не так важно): «Почему ты играешь на губной гармошке, а я только в нее дую?» Мне иногда, только отчасти в шутку, хочется спросить у Германа: «Почему я только говорю, а ты еще и размышляешь?»

Лев Пирогов Хочу быть бедным (М. : Астрель, 2011)

Читаешь и думаешь: какой неприятный человек. Какой насупленный тип. Критик, которого можно в колбу посадить и пугать им молодых литераторов: смотрите, кто будет про вас писать, вот этот, с бородой. Он к вам даже не прикоснется – а неистребимый вкус этой колючей бороды отобьет у вас всякое желание... это... творить.

Единственное, что может слабо успокоить: Пирогов вообще-то пишет не критику. Я даже не знаю, как это называется. Быть может, он ведет мизантропический дневник. Быть может, растит бороду. Последнее даже вероятнее. Растит бороду и смотрит большими глазами.

Я как-то прочитал у Пирогова, как он идет по улице с ощущением, что все люди вокруг думают одно слово: «Лошадь». Статья была о Сорокине, но к Сорокину лошадь никакого отношения не имела, даром что речь шла о повести «Метель».

Так что я читаю Пирогова не для того, чтоб с ним согласиться. Мало приятного соглашаться с этим насупленным типом. Я читаю у него про всяких лошадей. И почти всегда бываю вознагражден.

Пирогов – это, конечно, розановская, вслух размышляющая обо всем традиция, на выходе с тоскливой неприязнью пережевывающая либеральный, как его, дискурс.

Фигура!

Сажу и думаю: какой неприятный человек, пренеприятнейший. Надо бы еще почитать. Еще одну статеечку, и все. Последнюю, и все.

Читаю, читаю, со зла никак от книжки не оторвусь и, знаете, против своей железной воли начинаю с ним соглашаться. Нет, с тем, что он пишет походя о литературе, я как-то редко солидарен, а вот едва автор делает шаг в сторону (а он сразу, назвав какую-нибудь писательскую фамилию, начинает уверенно шагать в сторону) – тут сразу я незаметно для себя киваю головой, как будто услышал знакомую, долгожданную музыку.

Пирогов имеет наглость говорить те самые очевидные вещи, что кажутся нынче вопиюще несусветными.

«Армию ненавидят за то, что ненавидят деревню и деревенщиков, – за подрыв онтологических устоев личности, за несовместимость с той картиной мира, на которой основывается ее идентичность. Действительно, где еще читатель Пелевина встретится с немодным, неактуальным и грубо чувствующим “народом” в таких тошнотворных количествах?»

Или.

«Замечено: стоит лишь написать что-нибудь (не спорю, прекраснодушное) про людей труда (ну, например, как хорошо на заводе работать, или как хорошо комбайном бороздить море спелой пшеницы, или спускаться в шахту, где, рискуя жизнью, на карачках, в антисанитарных условиях зарабатывать на смех детишек и ежевечерний домашний уют), как тут же набегает какая-нибудь куча людей и начинает талдычить: “Ага, ага, а почему же ты сам не работаешь на заводе, а вот бы тебя туда, а вот моему знакомому руки-ноги станком оторвало, а потом он в шахте погиб...” и т.д. и т.п., и пр.!

Даже принимая во внимание понятную страсть оппонентов уличить меня в неискренности, нельзя не заметить, что из их готовности дать отпор складывается удивительная картина – картина ненависти к труду. Труд им неприятен. Они с ним явно что-то не поделили. Их бесит сама мысль, что где-то можно сидеть и прекраснодушничать по поводу алкоголиков-комбайнеров, тогда как они тут действительно трудятся в своих банках и рекламных

агентствах! И, между прочим, делают все, чтобы ужас шахты (слесарного цеха, пшеничного поля, далее по списку) не повторился!»

Или вот еще.

«Исчерпываемость души. У тех, кто ее не чувствует, обычно хватает храбрости (неосведомленности), чтобы становиться революционерами, гениями, дарить себя человечеству и затевать войны. Кто чувствует – у тех хватает сил молиться за первых. Но большинство живут просто так, посередине».

Пирогов, видимо, живет с какого-то там своего, третьего края. И подает оттуда свой неприятный голос.

Это, наверное, важно и даже полезно. Вокруг так много приятных во всех отношениях людей, что... Ясно, что.

Политэкономия

Эдуард Лимонов Такой президент нам не нужен! (М., 2005)

Вот уж никогда не думал, что мне придется писать о сочинениях Лимонова плохо...

Надо ведь какая странность: я тоже считаю, что такой президент нам не нужен, и с каждым выводом в книжке был согласен сразу и безоговорочно.

Мало того, Эдуард Вениаминович – здесь я безо всякой иронии – повлиял на меня так сильно, что не избавиться мне от его влияния всю жизнь, да я и не собираюсь. Он, несомненно, мужественный человек, великий писатель, и закроем тему.

А книжка мне все равно не понравилась.

Ну, во-первых, всякому хоть немного любопытствующему заранее известно, что там будет описано. Темная история с «Курском» («Она утонула?»), страшная и темная с «Норд-Остом» (кто все-таки потравил газом российских граждан?), не менее жуткая с Бесланом (кто отдал приказ стрелять по школе, ведь стреляли же!). И так далее, вплоть до создания ОПГ «Наши» под воеводством борца с калоедами Якименко, – эта организация ослабилась тем, что была благословлена на труды праведные лично президентом, а сразу после этого замечена в избиении инакомыслящих бейсбольными битами.

Во-вторых, меня нисколько не забавит, когда Лимонов уличает жену президента в ветрености за то, что у нее было много записей в трудовой книжке («легкомысленная девушка... прыгающая с работы на работу»). Твою мать! – так и хочется выругаться. Легкомысленная! А вот жены Лимонова – Елена Щапова и Наталия Медведева – были, блин, вовсе не легкомысленными, всю жизнь прожили с одним мужем, работали на одном месте, никогда не злоупотребляли алкоголем и наркотиками.

Быть может, с творческих особ спрос другой, но еще раз повторю: у этого президента полно иных недостатков, чтобы его (или его жену) ловить за лацкан (за юбку) в том случае, где уважаемому автору лучше не вступать. Лимонов всяким бывал – но морализатором явился впервые.

Интонационно и стилистически это какая-то неряшливая книга, видимо, по причине ложного подхода к теме изначально лишенная фирменной лимоновской мускулистости и напора. Все время какое-то ранее не свойственное Лимонову брюзжание слышно. А ведь в наши дни, как ни грустно, интонация куда более убедительна, чем факты.

Оглушительного компромата на Путина – на каждом углу по целому мусорному баку. Да вот только он далеко не на всех действует. Всегда, как ни странно, неизбежно возникает вопрос: «А судьи кто?»

Лимонов эти вопросы предупреждает, выстраивая книгу на основе постоянного сопоставления вех своей жизни и биографии Путина.

Мне, конечно же, биография Лимонова нравится больше, но тут вопрос в другом. Кому адресована эта книжка? Если людям, которые и так Лимонова любят, – то они и без его книги все понимают. А если тем, кто всерьез выбирает, Путин или не Путин, – то лимоновский вариант препарирования событий далеко не самый удачный.

Лимонов и Путин – это не только разная эстетика, это вообще разнопорядковые вещи, по сути, несопоставимые. А если их свести на одну доску с целью добиться доверия потенциального избирателя, то – представим на секунду такой фантастический вариант –

аналогичное сочинение «Путин против (эмигранта, дебошира, сексуального маньяка, пса чужих войн и критика христианства) Лимонова» будет стократ убедительней. Для, повторяю, потенциального массового избирателя, к которому, как кажется, апеллирует Лимонов в своем труде.

Не на свое поле пошел Лимонов в этой книге.

Это как если бы Юнгер, или барон Унгерн, или Мисима вдруг выступили в качестве догматических носителей занудного здравого смысла.

Да тьфу на их представления о здравом смысле – такого добра и без них хватает. Они иными качествами дороги миру!

После «Дневника неудачника» и «Книги воды» я настолько уверен, что у Лимонова безупречный эстетический вкус и вообще все признаки гения, что любые казусы в его творчестве воспринимаю как личную обиду.

В общем, книга предназначена для иностранцев. Пусть они переводят ее на свои иностранные языки и пугаются. У нас здесь никто ничего давно не боится: ни легкомысленных жен, ни зверских повадок в управлении страной.

Нехороший признак, кстати. Не к добру.

Андрей Балканский Ким Ир Сен (М. : Молодая гвардия, 2011)

«Парадокс – маленькая и бедная КНДР стабильно находится в фокусе внимания мировых СМИ, является одним из ключевых ньюсмейкеров. И одновременно именно об этом государстве имеется меньше всего достоверной информации, недостаток которой обильно восполняется слухами и пропагандой», – пишет Андрей Балканский, автор первой на русском языке биографии Ким Ир Сена.

Если кто забыл: Ким Ир Сен – создатель и многолетний лидер Корейской народно-демократической республики, он же Великий вождь, Легендарный герой – Солнце нации, Маршал, Отец, Гений теории и практики руководства.

Балканский поставил целью развеять некоторые слухи и написать уж точно не пропагандистскую книгу. Симпатии автора к своему герою, безусловно, просматриваются, но вообще Балканский как минимум столько иронизирует над Ким Ир Сеном, что живи он в Северной Корее, не сносить бы ему головы.

Чего стоит только пересказ историй про то, как работники сельского хозяйства шлют Великому вождю и Маршалу банки с соленьями, а спустя какое-то время получают те же посылки обратно. В ужасе вскрывают их, а там из каждой банки съедено по грибочку или по огурчику и приделаны собственноручные записки Гения теории и практики: «Недосолено», «Пересолено», «Вкусно», «Очень вкусно».

Или как Легендарный герой приходит в детский дом и допытывается у детей, кто из них мочится в кровать, а они, один за другим, гордо отвечают: «Я не мочусь!», «Я не мочусь!», «Я не мочусь!».

Надеемся, что никому не известный в литературных и журналистских кругах Балканский живет все-таки не в Северной Корее, а то, не дай Бог, и ему преподнесут урок, куда надо мочиться.

Хотя степень осведомленности автора в корейских делах явно гораздо выше, чем у человека, изучившего вопрос по журналу «Корея».

Не относясь ни к почитателям товарища Ким Ир Сена, ни к его хулителям, я читал эту книгу в привычном поиске парадоксов и забавных страниц сравнительно недавней мировой истории. В сочинении Балканского периодически можно обнаружить крайне любопытные сюжеты.

Как все, например, начиналось. Коммунистическая партия Кореи была создана при помощи большевиков в 1921 году в Иркутске. Сама Корея, напомним, тогда была под властью Японии.

Корейцев в те годы в Советской России было полно – они деятельно поучаствовали в Гражданской.

«На Дальнем Востоке интересы Коминтерна представлял видный большевик Борис Шумяцкий, – пишет Балканский. – Он играл ключевую роль в создании иркутской группировки. Шумяцкий вынашивал головокружительный план создания единой армии из всех корейских частей Советской России и совершения марш-броска через Маньчжурию для освобождения Кореи. Исполнение этого задания было поручено Нестору Каландаришвили – грузинскому анархисту, легендарному партизанскому командиру, перешедшему на сторону большевиков».

Черт знает что такое, да? Вам, может, это не нравится – а меня всегда веселит. Где-то в Иркутске, в полуразрушенной России, грузинский анархист собирается вести корейцев на освобождение их страны. Байрон завистливо курит в сторонке.

Сюжет? Сюжет, да еще какой.

Как ни крути, но после Первой мировой и Гражданской мы странном образом находили в себе силы строить собственные планы касательно будущего Кореи (Китая, Монголии и далее по списку) – а сегодня у нас хватает сил только на то, чтоб рассуждать, опасно или все-таки не очень опасно наличие сотен тысяч корейских (китайских, монгольских и далее по списку) мигрантов на Дальнем Востоке.

Что до главного героя книги – то там еще сто сюжетов как минимум.

Звали Ким Ир Сена поначалу Сон Чжу, потому что Ир Сен по-корейски – Восходящее Солнце, а солнцем он стал далеко не сразу.

Сначала он родился – в день гибели «Титаника», 15 апреля 1912 года, в чем Балканский усматривает некие символические смыслы.

Юношей Сон Чжу читал Маркса, потом, в 1929-м, полгода сидел в тюрьме за это.

Потом, в 1932-м, вступил в Компартию и несколько лет воевал, а верней сказать, партизанил против японцев.

Партизаниль, как верно подмечено Балканским, Ким Ир Сену было сложнее, чем впоследствии Фиделю с Че Геварой, – там все-таки не джунгли, а горная и лесистая местность с суровым климатом, в горах до -50°C , сильные ветры... Сами понимаете.

Жрали одну мороженую картошку (сочувствующие партизанам крестьяне убирали для вида только ботву, а картошка до зимы хранилась в земле).

Говорят, что именно тогда Ким Ир Сен сформулировал идеологию чучхе (она же кимирсенизм) о национальной самостоятельности и примате идей над материей. Вполне возможно, что в -50°C на сильном ветру именно такие мысли и посещают людей. О том, что материи мало, а идей много.

Кимирсенизм, замечает Балканский, копирует христианские каноны, имея своих святых, свои иконы и обряды. Что, кстати, неудивительно, потому что сам Ким Ир Сен вырос в христианской семье, хоть и стал затем атеистом.

Помимо Маркса на Ким Ир Сена очень повлияла советская литература, например, роман «Железный поток» писателя Серафимовича. Действительно, кстати, мощнейшая книга: в советские времена это называлось «эпос мужества», так оно и есть – таких вещей у нас уже не пишут с полвека. Наверное, когда в наших краях похолодает или нужно будет преодолевать неприятный путь из точки «А» в точку «Б», мы к этому наследию обратимся.

Судьба Ким Ир Сена и впредь свершала замечательные зигзаги.

В 1939 году японцы давали за его голову 200 тысяч иен.

В 1940-м Ким Ир Сен переходит с остатками партизанского отряда на территорию СССР.

Он даже успел послужить в форме капитана Советской армии (собственно, как раз потому, что был капитаном Советской армии). Правда, в Отечественной не участвовал, хотя на фронт просился.

Корейская государственность вновь обрела себя после Второй мировой в связи со стремительным броском Советской армии, переброшенной из Европы, и предсказуемым поражением Японии.

Наши войска шли на столь высоких скоростях, что освобождение Кореи заняло всего несколько дней. Но в боях погибли полторы тысячи наших солдат и офицеров.

Естественно, потом Ким Ир Сен написал, что наступление вели корейские партизанские отряды и вообще «советская операция по разгрому японских войск смогла завершиться

в столь короткий срок благодаря тому, что ей предшествовала многолетняя война сопротивления нашей армии и нашего народа».

То есть почти двадцать лет они партизанили-партизанили, ничего у них не получалось, но как только русские пошли в атаку – так они сразу сами и победили.

Далее снова имели место забавные сюжеты. Президент Франклин Рузвельт, к примеру, в те дни прямо заявил: «Корейцы пока не в состоянии поддерживать порядок и управлять независимым правительством, поэтому мы возьмем их под опеку сроком на сорок лет».

«Тоталитарный СССР, – пишет Балканский, – в отличие от западных демократий, полагал, что независимость Кореи может быть предоставлена сразу после освобождения. “Чем короче, тем лучше”, – ответил Сталин Рузвельту».

Чтоб вся Корея не попала под советский протекторат, ее распилили на две части по 38-й параллели. Балканский цитирует американского историка Грегори Хендерсона, который писал, что «ни одно послевоенное разделение страны не было столь необъяснимым, не связанным с местными реалиями и не учитывающим мнение народа и положение стран; и нет такого разделения, за которое США несли бы меньшую ответственность».

«В американской зоне оказалась большая часть населения, значительная часть сельскохозяйственных угодий и промышленного потенциала, а также историческая столица – Сеул», – резюмирует Балканский.

Зато Северной Кореи досталась прекрасная земля, где 80% территории – горы.

И вот на этой твердой почве Ким Ир Сену пришлось воплощать в жизнь свое выстраданное в боях чучхе.

В 1948-м советские войска покинули Корею.

Впрочем, напоследок мы спасли Восходящему Солнцу жизнь. Во время очередного парада в Ким Ир Сена из толпы бросили гранату. Младший лейтенант Яков Новиченко поймал ее – но так как бросать гранату было некуда, всюду люди, – упал на нее и накрыл телом. ...здесь, как в фильме «Цитадель», надо сделать паузу, а потом продолжить.

За поясом у Новиченко была книга «Порт-Артур» Новикова-Прибоя – толстенная. Основная сила заряда ушла туда – руку и глаз героический младший лейтенант потерял, но выжил. Они потом еще встретятся и выпьют с Ким Ир Сеном, когда тот несколько десятилетий спустя навестит СССР.

Пока же, как остроумно замечает Балканский, Советы сделали государство и сдали его «под ключ» Ким Ир Сenu.

Владей.

Началось все просто ужасно – войной между Южной Кореей и Северной. Это одна из самых кровавых мясорубок прошлого века и точно даст фору многим столкновениям по степени бессмысленности.

Противостояние между Кореями по сей день рассматривают в том духе, когда про своего агента говорят, что он разведчик, а про чужого – шпион.

По мнению либеральной общественности, Южная Корея, естественно, хотела объединить страну, а Северная – уничтожить демократию. А как иначе-то?

По мнению антилиберальной общественности, Северная Корея хотела объединить страну, а Южная продалась с потрохами американскому империализму, не желавшему окрашивать в красный цвет на глобусе еще одну, хоть и не очень большую, страну.

Нам же важно заметить, что СССР, в отличие от США, в войне деятельного участия не принял, спихнув эту проблему на Кормчего Мао (предоставившего шестисоттысячный китайский корпус корейским товарищам), – а вот янки встречали цинки с далекой войны в огромных количествах.

Мясорубка, в которой погибли пять миллионов человек, закончилась на том же месте, с которого началась, – на 38-й параллели.

И дальше южане пошли своей дорогой, а северяне своей.

В начале шестидесятых Че Гевара посещал Северную Корею и пришел в восторг. Экономика развивалась семимильными шагами, в то время как Южную Корею называли «страной соломенных крыш» и половину бюджета страны составляла помощь США.

В семидесятые Южная Корея по уровню развития промышленности обогнала Северную, а в последующие десятилетия ушла далеко вперед.

Японский ученый Харуки Вада утверждает, что Северная Корея – не что иное, как партизанское государство, построенное по тому же принципу, что Китай, Куба или Вьетнам. В качестве образца для государственности взята модель партизанского отряда. Главное – безопасность, огромная часть населения служит (в Северной Корее третья по численности армия мира), остальные ее кормят, периодически недоедая.

В Северной Корее карточная система, фактически безденежные отношения. Зато бесплатное образование, бесплатная медицина, бесплатное жилье.

«Строго говоря, ее даже нельзя назвать государством третьего мира: где в развивающихся странах население поголовно получает качественное среднее, а пятая часть – еще и высшее образование?» – резонно замечает Балканский.

Отсутствуют организованная преступность, безработица и беспризорность. Страна запускает спутники в космос, имеет ядерную бомбу и действительно не зависима ни от кого.

Только не подумайте, что я вас приглашаю в Северную Корею.

Там в каждом доме висят портреты обоих Кимов – старшего и младшего. При пожаре нужно спасать сначала их, а потом все остальное имущество. Если таковое есть.

Там Интернет только внутренний, а половина населения не имеет холодильников (и так холодно, видимо, рассудило руководство) и телевизоров (а чего там смотреть, вон в окно смотри).

Зато есть инминбан – такой порядок вещей, который имеет главным принципом коллективную ответственность. Какой-нибудь местный деятель может в любой момент зайти в твою квартиру и поинтересоваться, не читаешь ли ты какую-нибудь ненужную книгу и не слушаешь ли чуждое радио. Если читаешь, то получишь и сам, и все твои соседи.

Там и в законе у них записано, что «права и обязанности граждан КНДР основываются на принципе коллективизма. Один за всех и все за одного». Что называется, привет Дюма и Навальному.

Один месяц в году для всего населения – местные политические курсы. Удаться просто, как представишь эту тоску.

Впрочем, даются, как ни странно, куда чаще в Южной Корее – процент самоубийств там один из самых высоких в мире. В разы выше, чем в Корее Северной. Вот скажите после этого, что за существо – человек?

Балканский в философские дебри не забирается, зато информации для размышления предоставляет более чем достаточно.

Язык вот только суховат. Но когда автор пытается перевести свое публицистическое исследование в русло беллетристики и Ким Ир Сен начинает думать, а Балканский эти мысли записывать, то сразу понимаешь: лучше без излишеств. Лучше строго по существу.

В целом – книга по существу. Или, как пишет Великий вождь, «вкусно». Сахар в норме. Перец все желающие могут добавить по вкусу.

Сергей Кара-Мурза Потерянный разум (М. : Алгоритм, 2005)

В российской политологии четыре известных Кара-Мурзы, и все родственники.

Судя по известным политологам, получается, что в России Кара-Мурза куда более распространенная фамилия, чем, например, Иванов и Сидоров.

Причем трое из них либералы – Владимир, Владимир-мл. и Алексей, а тот, о ком идет речь, – антилиберал. И не эмоционально-обличительного толка, как часто бывает, а сугубо научного. В подтверждение своей точки зрения Сергей Георгиевич всегда предоставит статистику, ветвистые графики и большую доказательную базу. Кроме того, он периодически привлекает на свою сторону великих мыслителей – от Николая Бердяева до Мишеля Фуко. «Кто на нас с Николаем и Мишелем?»

Не уверен, что Бердяев и Фуко согласились бы служить в качестве приправ к аргументации именно этого Кара-Мурзы, но кто ж их спрашивает.

В своей книге Кара-Мурза занимается тем, что выписывает из журналов и книг эпохи молодой российской демократии высказывания «прорабов перестройки» и аккуратно доказывает, что авторы этих высказываний «потеряли разум». По крайней мере, в момент произнесения своих слов. В числе временно «потерявших разум» – Сахаров и Яковлев, Искандер и Горбачев...

Есть у автора претензии общефилософского порядка. Пример: «Академик Лихачев льстил интеллектуалам: “Естественно, их роль в обществе можно определить как ведущую. Испокон веков на Руси интеллигенция была эталоном нравственности, духовности, культуры”. Что за чушь? Какие “испокон веков”, какая Русь? Интеллигенция как культурный тип появилась в XIX веке как продукт разложения сословного общества. И никогда она не была “эталом нравственности”, ибо главной отличительной ее чертой была *больная* совесть и нравственные метания».

Есть претензии чисто экономические. «В 2002 году в РФ собрали 86 млн т зерна. Президент В.В.Путин заявил, что в России достигнут *рекордный* урожай. Как можно было такое сказать? В 1970 году в РСФСР было собрано 107 млн т. зерна, в 1973-м – 121,5; в 1990-м – 116,7. Мы видим, что 24 года назад было собрано зерна в полтора раза больше, чем в “рекордный” 2002 г.»

И так на 699 страницах книги.

Недавно я был на лекции директора Института проблем либерального развития Юлия Нисневича. В числе прочего лектор сообщил, что обычный американский рабочий давно превратился в буржуа – потому что имеет акции нескольких предприятий.

Я поднял руку и сообщил лектору, что в США 76% акций принадлежат 1% населения. В среднестатистической американской семье доход от акций не превышает 0,4% семейного бюджета.

Нисневич мне не поверил. А я в книжке прочитал. В этой самой.

Либералы Сергея Кара-Мурзу не то чтоб любят, а вообще предпочитают делать вид, что его нет в природе.

Он, однако, есть. И на серьезную часть моего поколения добродушная, беззлобная интонация Сергея Георгиевича, помноженная на, как правило, труднооспоримую логику и неопровержимые факты, оказала оглушительное воздействие.

Появление Сергея Кара-Мурзы в качестве социального философа для меня было натуральной душевной радостью, я к нему испытывал чувства сродни сыновьим – наконец при-

шел человек, который успокоил многих из нас, уже буквально загнанных в угол либеральной риторикой о вредоносности истории моей Родины.

Но так получилось, что в демократической России голоса людей, подобных Сергею Георгиевичу, долгое время не были слышны вообще. Газеты с миллионными тиражами и телевидение с миллионными аудиториями спорили с Сергеем Кара-Мурзой заочно, ему слова не предоставляя, а только подавая историю «советской цивилизации» и картину «демократических преобразований» в удобном для себя (и единственно возможном, по мнению либералов) свете.

Вот и получилось то, что получилось.

Нынешняя власть и конкретный Владимир Путин – продукт вовсе не «советской цивилизации», а плоть от плоти дитя новейшего российского либерализма – с его врожденным цинизмом, тайной беспринципностью, склонностью к вранью, непрестанному передергиванию и тотальным нежеланием диалога.

Справедливости ради заметим, что такой же «Потерянный разум» можно написать и о «красно-коричневых» патриотах и даже у самого Кара-Мурзы подыскать подходящие цитаты, чтоб в свою очередь усомниться и в его здравомыслии.

Но, чтоб это случилось, нам все равно придется обучиться навыкам общения и минимального взаимопонимания. А пока либералы пишут для тех, кто хочет утвердиться в либеральной картине мира, ну а «патриоты» – для своих, вроде меня.

Впрочем, что-то мне подсказывает, что для обычного, «рядового», не замутненного ничьей пропагандой русского человека голос Сергея Кара-Мурзы прозвучит куда убедительнее, а доводы – весомей. И либералы, думаю я, втайне сами об этом догадываются.

Догадываетесь, догадываетесь.

Константин Крылов Русские вопреки Путину (М. : Алгоритм, 2012)

Публицистическая ипостась в случае Крылова (сейчас, кстати, есть смысл писать «подсудимого Крылова») главная, хотя не единственная. Есть еще иронический поэт Юдик Шерман и писатель-фантаст Михаил Харитонов – под этими псевдонимами тоже скрывается Крылов. С одной стороны, наличие нескольких масок может навести на суждения о «расстроенности» одной персоны – но здесь случай как раз обратный. Это именно что ипостаси одного человека, или его, в самом широком смысле, забавы; однако основное и главное занятие Крылова – это осмысление нынешнего состояния нации и вариантов ее будущего.

Собственно, он скорее не публицист, а философ, пытающийся понять событие не только в социальном или экономическом контексте, но и в том разрезе, когда уместно говорить о метафизике и онтологии.

Для либеральной публики Крылов фигура не самая удобная, потому что само его присутствие в «правом» движении усложняет восприятие националистов как стада мракобесов и дегенератов. Нравится Крылов, не нравится – дело десятое, но признать по трезвому размышлению придется, что мы имеем дело с мыслителем – с которым, как тут намедни высказался Дмитрий Быков, «можно и должно спорить». Я бы к этим «можно и должно» добавил бы еще «сложно».

Притом что к чистопородным «правым» мне себя отнести трудно, и я никогда не пытался в их среде быть своим; впрочем, и чужим себя там тоже не ощущал. С этими кругами у меня есть, что называется, стилистические разногласия, иногда довольно жесткие.

Но в случае Крылова как раз со стилистикой все замечательно.

Это человек с европейским словарем, свободно ориентирующийся в мировой философской мысли и вообще помнящий те, бесполезные для человечества книги, которые в нашей памяти представлены только названиями и авторами (кто не знает старину Аристотеля? кто не помнит товарища Гегеля?).

Само понятие «русского», «национального» было едва ли не главным в русской философии (досоветского, естественно, периода) – и ее осмысленная маргинализация в современном общественном сознании, мягко говоря, непростительна, а грубо говоря, характеризует наше либеральное варварство.

Мы уже уяснили, что «левая» идея – это, естественно, отнять и поделить, и прочий Шариков, что до «правой» идеи... Я тут ездил в Лондон, читал лекцию, а проще сказать, вел разговор о национализме – публика была, казалось бы, вполне благопристойная, состоящая процентов на девяносто из бывших российских граждан, проживающих в Англии, но через полчаса с последнего ряда меня прервала милая дама, – хватит, мол, рассказывать про славянофилов и либерал-националистов начала XX века – вы нам проще объясните, кого будете резать, а кого оставите в живых.

Ее тут же поддержала подруга, сидящая рядом: «Никакой нормальный человек “националистом” себя не назовет».

Вот это и есть либеральное варварство, потому что при таком раскладе добрую половину русского культурного наследия мы сдадим в утиль.

Хотя разница меж ханжеством либеральным и националистическим все-таки есть.

Рядовой либерал более чем уверен, что он не варвар – а нормальный и даже сложный субъект, даром, что на месте сложности у него ничего, кроме снобизма, не растет. Зато рядо-

вой националист именно что рад своему варварству и несет его с гордостью, и во всяком своем утверждении желает упроститься до амебного почти состояния.

То есть на вопрос глупого либерала «кого вы будете резать?» – он с удовольствием ответит: «Вот тебя и зарежу сейчас, гнида».

Другого выхода из этого состояния, как читать книжки, еще не придумано – хоть для левых, хоть для правых, хоть для либералов. Еще лучше читать не только те книжки, которые помогают тебе утвердиться в собственном мнении, но еще и те, что вступают с ним в неразрешимые противоречия.

Ну и, естественно, предоставлять возможности циркуляции этих идей – тогда, глядишь, и рядовой националист приобретет более цивилизованные черты, и в рядовом либерале появятся некоторые признаки реального либерализма вместо воинствующего сектантства.

Крылов для данных целей отлично подходит.

Для начала, как нынче выражаются, с ним можно договориться. В самом широком смысле: договориться до какого-нибудь общего знаменателя – язык-то, повторяю, все равно один – наследие европейского просвещения!

Недаром, в конце концов, Крылов работал в газете «Консерватор» с Лейбманом и Ольшанским, и Крылову же фактически передал ресурс «АПН» Станислав Белковский.

Потом, он действительно весомая и влиятельная фигура: более чем заслуженное шестое место в списке самых влиятельных интеллектуалов России (был такой массовый опрос в Сети пару лет назад) тому одно из доказательств.

То есть оппонент налицо, давайте или спорить или соглашаться.

Так как большинство либеральной общественности читать его книжки все равно не станет, я тут вкратце не то чтоб перескажу, а немного процитирую Крылова. Это не так уж страшно, поверьте на слово. Тем более что хоть это и публицистика, сам я иногда читаю его печальные заметки будто бы предо мною стихи. Порой даже наизусть хочется заучить.

Вот про власть.

«...не надо про стабильность и столыпинские двадцать спокойных лет. Вам спокойствие нужно не для нас, а для себя. И не по формуле – “и тогда вы не узнаете Россию”, – а по другой – “дайте нам двадцать лет, а там хоть трава не расти”. Или еще точнее – “или шах умрет, или осел”. Или Россия, или русский народ, кто-нибудь да сдохнет».

Стихи ведь!

И потом, разве Крылов не прав?

Вот еще одно наблюдение, под которым любой носитель активного либерального сознания, пожалуй, подпишется.

«Провокаций» россиянин боится... это его любимое слово. Поэтому он, кстати, обо- жает обвинять всяких оппозиционеров не только в продажности Вашингтону и Пекину, но и в работе на ФСБ: ему ведь понятно, что человек, который не ссыт страшной власти, сам работает на нее, иначе почему он не боится? И цель его – заманить, завлечь невинного обывателя «под репрессии». «Это начальство нас проверяет», – думает россиянин и поджимает дрожащий хвостик, «ну да я умный, я не поддамся». «Не поддаваться на провокации» – за этим занятием он и проводит жизнь, тихо попискивая: «Как же мы плохо живем».

Характерно, что Крылов активно не любит Салтыкова-Щедрина и считает «Историю одного города» сочинением русофобским, но, право слово, замени презрительное крыловское «россиянин» на «русский» – и Салтыков-Щедрин покажется добродушным ворчуном.

Едем дальше.

«Я не призываю “не бояться”, – обращается Крылов к россиянам. – Но лучше рационализировать свой страх. Туманная и неопределенная угроза всегда кажется страшнее явной, потому что ее дорисовывает воображение. Надо сказать себе: да, я боюсь, что за чужой бунт

меня накажут. А потом задуматься – кто накажет, чем, как именно. И если выяснится, что наказать нет никакой технической возможности – а сплошь и рядом ее нет, – то... нет, не бунтовать, не надо. Просто не мешать несогласным и бунтующим, а лучше – поддержать их. Прежде всего морально. Хотя бы сказать жене и знакомым не “вот опять уроды вышли”, а “молодцы ребята”. Или, если слово «молодцы» язык не выговаривает, то хотя бы – “ну до чего довели людей”».

Не страшно ведь? Давайте еще полшага, и посмотрим извлеченное почти наугад высказывание теперь уже собственно про национализм.

«Словосочетание “русский народ” произносится и пишется только в двух случаях: когда над ним издеваются и когда говорят о его вине».

Не отрицайте сразу а просто поставьте крыловские слова себе на заметку и, когда будете иметь дело с массовой и официальной прессой, обратите внимание, прав он или не очень.

«Русские, – продолжает Крылов, – являются единственным в современном мире народом, на который не распространяются нормы западной политкорректности. В частности, о них можно говорить и писать почти все что угодно».

Первое желание – снова возмутиться, но тут, опять же, достаточно быть честными перед самими собой. Речь ведь идет не о власти (о людях, находящихся у кормила Ирана, Кубы, Северного Вьетнама или Белоруссии, отзываются порой еще жестче, чем о наших «отцах») – а именно о народе. Худо-бедно проводя за границами России месяца три в году, могу засвидетельствовать: если бы в тех же терминах, в каких иной раз описываются национальные качества русских людей и собственно русская история, описывали англичан или, скажем, поляков, не говоря о народах с откровенно трагической историей, – этого бы никто, мягко говоря, не понял. А про русских – можно, про русских – запросто.

В общем, Крылов говорит вещи очевидные, которые в силу тех или иных причин не принято произносить вслух – моветон-с.

Там есть упоительно смешные фрагменты (например, пересказ русской истории устами среднестатистического «россиянина»), моменты, которые будут агрессивно оспариваться поборниками толерантности и свободы выбора (Крылов позволяет себе усомниться в необходимости «смешанных браков»), ну и вообще копание в тех материях, о которых распространяться в приличной компании не стоит (насколько, к примеру, Пушкин негр, была ли татаркой Ахматова и прочие «сомнительные» выводы, вроде такого: «человек, способный разглядеть в русском “татарина”, скорее всего, никогда не видел татарина»).

Говорят, рассуждения на эти темы вредны тем, что якобы «обижают» десятки других национальностей, живущих на территории России, хотя чем именно – непонятно, – неужели татарину настолько хочется «покарябать» любого русского, чтоб обнаружить там свою кровь? И если она там не обнаруживается – то и жизнь недорога?

Наконец, все-таки как-то надо считаться с той очевидностью, что умолчание или перевираание многих тем оскорбительно для самих русских – а они тоже люди и даже, только не сердитесь, нация.

Очень правильно, когда эти темы поднимают люди, в общем, не склонные к крайностям и с вполне прозрачной репутацией, – мы опять о Крылове.

И очень неправильно, когда этот далеко не лишний в нашем обществе человек – ходит в родной стране под уголовным делом, и не сказать, чтоб это было актуальным, скажем, для средств массовой информации, которые традиционно увлечены чем-то другим.

Напоминаю, что против Константина Крылова было возбуждено уголовное дело по ст. 282 УК РФ – он обвиняется в разжигании межнациональной розни, которую якобы позволил себе на митинге в речи с рефреном «Хватит кормить Кавказ!».

Я эту речь слышал, экстремизма в ней не больше, чем, например, в вашей, читатель, мысли: «Хватит оправдывать Крылова!»

Кавказ, на мой взгляд, кормить надо, так же как надо кормить Рязанскую и Тверскую области, потому что все это территория Российской Федерации, а если есть какие-то государственные противоречия в восприятии и дотировании этих регионов, то надо спросить с государства, а не с кавказцев.

И Крылова оправдывать надо не просто потому, что в поддержке нуждается любой гражданин, несправедливо преследуемый за аргументированную личную позицию, но и потому, что мы имеем дело с человеком умным, деятельным и полезным для России, – если нам, конечно, есть дело до нее.

Лимонка в тюрьму: сборник (М. : Центрполиграф, 2012)

Надо сразу пояснить, что все авторы этой книги в разное время являлись активистами Национал-большевистской партии.

НБП запрещена в России как экстремистская организация, хотя в результате ее деятельности никогда ни один посторонний человек не пострадал.

Зато более ста партийцев получили уголовные сроки, тысячи проходили по административным делам, многих пытались запугать, на многих давили, кого-то неизвестные, но хорошо подготовленные прохожие били на улицах, кому-то смышленные и бесстыдные опера подбрасывали патроны и наркоту. Несколько нацболов погибли при невыясненных обстоятельствах – что характерно, либо накануне громких партийных акций, либо сразу после них.

Пока российское общество и либеральная интеллигенция занимались сведением счетов с давно уже исчезнувшей советской властью под лозунгом «Чтоб это никогда не повторилось!», самые уродливые приметы тех времен плотно вошли в наш быт: преследование инакомыслящих, слежка, пытки, зверская пенитенциарная система.

Пока крикливые чистоплюи и вялые эстеты сетовали на флаг с раздражающим серпом и тяжелым молотом, а также на то, что Эдуард Лимонов якобы выдумал новый безответственный арт-проект, реальные люди сидели за реальной решеткой – за нашу и, кстати сказать, вашу свободу, которой, как выяснилось недавно, вдруг стало ощутимо не хватать.

На самом деле ее не хватало давно, но какое-то время – лет эдак пятнадцать подряд – говорить об этом было немодно. Зато сейчас очень модно. Но разве выборы стали фарсом только вчера? Да они полный фарс как минимум с середины девяностых! Вся наша якобы демократическая политика была фарсовой изначально – и нацболов, в отличие от большинства населения, от всего этого воротило очень давно. Видимо, у нацболов более тонкая и сложно организованная психика; других объяснений я пока не придумал.

Легально партия существовала с 1995 по 2003 год.

За время работы партийцы провели сотни прозвучавших на всю страну акций, не считая тысяч митингов и пикетов.

Нацболы были первыми, кто поднял голос против непродуманной и зачастую русофобской политики на Украине и в Прибалтике.

Нацболы были первыми, кто восстал против монетизации льгот.

Тому, кто служил волшебником еще до Чурова, нацболы публично заляпали костюм майонезом – Вешняков была его фамилия, помните?

Нацболы агрессивно выступали против Лужкова, когда в Москве еще было принято восхищаться чудесным градоначальником.

Никита Михалков был закидан сырыми яйцами за дружбу с Нурсултаном Назарбаевым, отправившим в Казахстане русских патриотов на огромные сроки в тюрьму, – а в те времена Никиту Сергеевича многие почитали совестью нации.

Теперь, когда стало можно, – у нацболов, по сути, нет претензий ни к Прибалтике, ни к Украине, ни к Лужкову, ни к Михалкову, ни ко многим иным, в кого так легко нынче кинуть разрешенный камушек.

Нацболы врывались в приемную Президента РФ, в здание парламента, в мэрии и приемные губернаторов, нацболы пикетировали Лубянку и управы ФСБ, нацболы захватывали башню св. Петра в Риге и Севастопольскую башню – список безбашенных, преисполненных мужества поступков вполне может занять целую страницу.

Нацболы первыми вывесили посреди Москвы огромный плакат «Путин, уйди сам!» – в те времена, когда за это сажали и когда на улице еще не собиралось по 120 тысяч человек с идентичной просьбой.

Именно нацболы служили едва ли не единственным оправданием самого слова «политика» в России – в то время как истинную политику подменила сумма *pr*-технологий, замешанная на тупом коварстве и натуральной подлости.

В те хмурые места, куда сегодня новые свободомыслящие граждане смотрят с наивным и восторженным видом первооткрывателей и пионеров, нацболы ходили давно. Пока люди несут счастливый отсвет во взорах после посещения митинга на Болотной, нацболы – в статусе политических – уже освоили половину российских тюрем и зон.

В общей сложности активисты НБП отсидели 170 лет в тюрьмах. Три человеческие жизни. Чувствуете, какой вес у этих цифр? Это не три часа постоять на свежем воздухе под дружелюбным присмотром полиции.

170 лет за решеткой не имеют никакого отношения к экстремизму и прочим тоскливым глупостям, которыми власть так любит пугать доверчивых людей. Это всего лишь доказательство того, что на нашей земле еще живо стремление к правде и справедливости.

Натуральное счастье – знать, что в России были и есть еще молодые люди, которые по-прежнему все понимают буквально. Родина, честь, правда – все эти, знаете ли, смешные и устаревшие слова по-прежнему ценны для кого-то.

У партии была своя газета – «Лимонка».

По мне, так это самая лучшая газета из всех существовавших до сих пор.

Но это не просто газета. Это была священная книга. Это был свод героических былин, сага о Нибелунгах, Илиада и Одиссея, это были жития, сочинявшиеся в режиме реального времени.

В газете никогда не работало ни одного корреспондента – ее писали партийцы со всей страны. Надо ли тут пояснять, что само понятие «гонорар» в этой газете отсутствовало? или не стоит? – а то придется подробно рассказывать, как это нацболы еще и в тюрьму шли забесплатно.

«Лимонка» воспитала целое поколение русских мальчиков и девчонок. Лучших из поколения.

Партийцы шли на акции как на войну, партийцы ездили на войну как на политическую акцию, партийцы на своей шкуре познавали, что такое жизнь героя в те дни, когда само понятие «героизм», как и все остальные высокие понятия, стало предметом стеба и ухмылок.

И вот именно в «Лимонке» впервые появились сотни свидетельств о том, что такое российская тюрьма сегодня.

Часть этих свидетельств собрана в книге «Лимонка в тюрьму».

Потом газета «Лимонка» была закрыта, она тоже оказалась экстремистской – но разве это имеет значение, – мы же не знаем, какие важные книги в иные дни сжигали малоумки на кострах.

То, чему суждено быть прочитанным, – не сгорает.

В этой книге – новая и незнакомая география России и бывшего Союза. Бутырка, Бельгоп, Кресты, Лефортово, СИЗО «Красная Пресня», Белгородский централ, Саратовский централ, Рижский централ, Симферопольский централ, тюрьма «Илгуциемс», Днепропетровская колония и Полтавская колония – да чего тут только нет... Такой России и такой Евразии вы еще не видели.

И таких людей, смею предположить, вы тоже давно не встречали – или не встречали вообще. В лучшем случае читали о них в книгах и думали, что они перевелись.

А они здесь, среди нас.

Всего две цитаты из двух разных текстов – для тех, кто поймет, о чем речь.

«Даже сейчас я не хочу объяснять причины, по которым я задумался о правоте своей картины мира. Скажу одно: на минуту я решил теоретически представить другую жизнь и другие решения. Я представил себе, как даю показания и выхожу на улицу. Но я не смог представить эту улицу: за дверью была пустота. Эта пустота успокоила меня. Выбора не было. Все идет как надо».

«Жизнь обесценилась напрочь. 15 лет тюрьмы. Жизнь фактически закончилась. Нереально пробыть здесь столько и остаться в здравом уме. Нереально, попав дикарем из джунглей в незнакомый, полностью изменившийся мир, найти в нем свое место. Животное существование бомжа и скотская смерть в петле исключены. Выхода нет, тупик. Этот тупик – начало абсолютной свободы. Свободы от будущего, которого нет. Свободы от прошлого, ставшего похожим на когда-то прочитанную и почти забытую книгу. А единственное настоящее – камера голодающих, мрачное дно тюрьмы, дно дна. Завершенной жизнью можно вертеть, как четками в руке. Моя воля – единственный закон. Продлить на несколько лет заключение, вспоров живот какой-нибудь особо мерзкой двуногой твари, или быть предельно дипломатичным. Довести до конца объявленную голодовку смерти или согласиться на предложенные тюремные льготы. Как лягут в ладонь четки. Чуть не договорился, что стал Богом, – прости меня, Господи, грешного.

Свобода! Полная свобода! Ваша тюрьма для меня рухнула».

Мне больше нечего добавить.

Учитесь свободе у этих пацанов. Они уже знают, чего она стоит.

Место действия: прошлое **О письмах Людмилы Улицкой** **к Михаилу Ходорковскому**

Писательница Людмила Улицкая вступила в переписку с зэка Михаилом Ходорковским.

Их письма публиковались в «Новой газете», все желающие могут ознакомиться. Чтение и печальное, и нужное, и важное. И тональность задана Улицкой, как нам кажется, правильная, и ответы Ходорковского достойны: за каждым словом чувствуется человек спокойный и сильный.

Одно странное чувство остается после прочтения этих писем. Кажется, что они извлечены откуда-то из архива либо это некое вполне себе демократическое издание за ветхозаветный 1989 год.

Объяснение этому простое: переписка в основном посвящена советскому времени.

Людмила Евгеньевна много и с заметной брезгливостью говорит о мерзостях советской власти, в итоге, совершенно непрошеное, возникает ощущение, что Ходорковского посадили году эдак в 1972-м.

Но ведь это не так.

Письма Людмилы Евгеньевны пестрят упоминаниями «Архипелага ГУЛАГа», КПСС, КГБ (Улицкая, правда, называет эту организацию ГКБ – что расшифровывается как городская клиническая больница) и т.п., и т.д.

Писательница считает необходимым рассказать о том, что считала для себя недопустимой любую общественную деятельность в Советском Союзе, и искренне удивляется, что Ходорковский вел себя иначе, – последний был активным комсомольским лидером, работал в государстве и на государство.

«Вы, – удивляется Людмила Евгеньевна, – удачно встроились в тогдашнюю машину, нашли в ней свое место. <...> Особенно трогает невинность, с которой молодой человек готов пойти хоть в “оборонку”, потому что родину надо защищать».

Нас в данном случае тоже несколько озадачивает то, что Людмилу Евгеньевну тронула готовность молодого комсомольца Ходорковского идти в «оборонку» – что, судя по контексту, является в понимании Улицкой поступком, мягко говоря, странным, если не сказать диким.

Верно ли мы пойдем Людмилу Евгеньевну, если сделаем вывод, что оборонка Советскому Союзу была не нужна вовсе? И работать на обороноспособность этого государства могли люди только морально ущербные? А защищать его в случае агрессии другого государства – готовность защищать – тоже ни в какие ворота?

Неправдой будет сказать, что событиям новейшего времени в переписке не уделено внимания вовсе: нет, там упоминаются и Ельцин, и Гайдар, и олигархи – и не самым лучшим образом оценивает их деятельность Улицкая.

Но это все как-то мельком, будто петитом.

Объяснение такому раскладу, конечно, лежит на поверхности: писательница хочет понять и проследить жизненный путь своего собеседника, разобраться, проще говоря, как дошел он до жизни такой невеселой.

Но, разбираясь с прошлым, иные из нас увязли в нем настолько сильно, что до настоящего так всерьез и не добрались (едва-едва дотянулись рукой до Ельцина, посетовав на то, кого он взял в свои преемники, и остановились на этом месте как вкопанные).

В одном из рассказов замечательного писателя, эмигранта первой волны Гайто Газданова описывается семейная, уже немолодая русская пара «из бывших», живущая в Париже.

Газданов с присущей ему иронией отмечает, что супруги ежедневно говорят и спорят о политике, но касаются событий как минимум двадцатилетней давности, скажем, деяния Победоносцева обсуждают как самую насущную реальность. Но при этом революции 1917 года в их представлении вроде как и не было: она им непонятна и странна.

Надо сказать, что подобные аберрации мировосприятия сплошь и рядом происходят в наши дни с представителями, так сказать, творческой либеральной интеллигенции.

Не раз и не два на литературных семинарах и совместных творческих встречах размышлял я о чем-то подобном, слушая своих старших коллег или слушая радио, глядя в телевидение или просматривая печатную прессу, нет-нет да и встретишь человека, который на прямой вопрос о происходящем ныне в стране начинает свой ответ со слов: «Эта мерзкая советская власть...», а заканчивает его утверждением: «Ничего в жизни я так не презирал, как советскую власть...»

Ну хорошо, мерзкая, презирал – но разве об этом речь?

Слова о том, что «пока мы не истребим в себе советское наследие, у нас ничего не получится», уже не работают: что вы, ей-богу, без малого четверть века прошло с тех пор, как нет никакой советской власти. Наследие было в пух и прах развеяно еще году в 1990-м, когда полстраны эту власть истово ненавидело.

Сегодня, призывая избыть в себе «советское наследие», мы смотримся столь же, и даже более, карикатурно, как и большевики, добрые полвека сравнивавшие свои экономические достижения с 1913 годом, а все неприятности валившие на «наследие царского режима».

Максим Кантор в своей книге «Медленные челюсти демократии» точно подмечает, что раз уж мы решили ассоциировать коммунизм со Сталиным или, скажем, с застоем, то никуда не деться от того, что российская демократия – это, собственно, то, что мы вокруг себя видим ныне. И если российские либерал-демократы чуть что приносят любым «красно-коричневым» в качестве зеркала «Архипелаг ГУЛАГ» («...полюбуйтесь на то, что вы натворили со своим социализмом!») – то уж будьте добры сами на себя полюбоваться, внимательно осмотрев ландшафт в текущем году: это все вами сделано, это вы так выглядите.

Возможно, Людмила Улицкая стремится избежать слишком прямолинейных вопросов о современности просто из опасений осложнить и так непростое положение Ходорковского.

Но что-то подсказывает, что эти вопросы почти никто и не хочет задавать – ни политическим, ни себе.

Лучше еще раз атаковать мельницу бездарного советского прошлого – хотя и мельницы никакой нет, и возможность возвращения в Россию социализма кажется иллюзорной, и прежние коммунисты вымерли как вид.

Да, есть опасность усиления диктатуры. Но это будет, во-первых, современная, во-вторых, российская, в-третьих, либерально-демократическая диктатура. Во многом выпестованная в теплых и честных ладонях творческой либеральной интеллигенции. Как было бы полезно всерьез подумать на эту тему, хоть ненадолго отвлекшись от советской власти.

Саркастическое отступление

Давайте объяснимся *Пара слов о лени*

У нас странное представление о лени.

Кажется, с тех пор как написан «Обломов», принято считать, что ленивый человек – в сущности, приятное существо, незлобивое и в чем-то даже очаровательное.

Но чаще всего все ровно наоборот. Ленивые люди сплошь и рядом – мстительные, истеричные, пакостные типы.

Далеко ходить не будем и посмотрим, к примеру, на писателей.

Про хороших и успешных я ничего говорить не буду, я буду говорить про неуспешных, но тоже иногда хороших.

Самое печальное качество хорошего, но неуспешного писателя – то, что он читать не любит.

Не знаю, что это – лень или не лень; мне кажется, что лень. Замешанная, впрочем, на желчной завистливости.

Мне известен добрый десяток изначально очень одаренных литераторов, которые ладно что меня не читали, они не знают, кто такой Распутин, не знают, кто такой Битов, равно как Мамлеев и Маканин, слышали фамилию Иванов, но писателя Алексея Иванова тоже не читали, а также Сенчина и Шаргунова. Дмитрия Быкова опять же не читали, но заочно буквально ненавидят: «Что может написать этот...» Хорошо, не будем.

Быков, кстати, сам знает, что раздражает многих. Причины для раздражения могут быть самые разные, и некоторые вполне обоснованны... но главная причина все-таки связана с темой наших нехитрых рассуждений: на Быкова невыносимо смотреть людям ленивым, вялым и медленным, которые ничего не успевают, или никуда не торопятся, или никому в конечном итоге не нужны.

«Меня раздражает, что его так много», – говорят они.

Нет, тебя раздражает, что тебя так мало.

Быков – это просто пример, не о нем речь.

Тут вопрос типажа.

Кого у нас в России из ныне здравствующих людей презирают и ненавидят особенно страстно, на кого вылиты ведра и ушаты мерзости, хулы, грязи?

Пожалуй, в победители выйдут два человека, которые, кстати, и друг друга не особенно любят: это Никита Михалков и Эдуард Лимонов.

Если поискать в просторах Сети, что говорится об одном и втором в течение хотя бы одного дня, то можно быть уверенным: пред нами исчадия рода человеческого, отвратительные упыри.

Не возьмемся оценивать качество всего сделанного этими людьми, тема у нас не та, – но надо согласиться, что оба успели за свою, дай им Бог здоровья, жизнь совершить столько, словно за плечами у них по две, а то и по три жизни.

Такое не может не раздражать!

«Почему их так много?»

А помните, как раздражал всех, например, Горький?

Написал великое множество отличных текстов, был успешным предпринимателем, сам зарабатывал и добрую дюжину литераторов сделал очень обеспеченными людьми... и так далее, и так далее.

Причем раздражал Горький не только бездарей, но даже равных ему.

– Наследие Горького – пять тысяч текстов! – желчно, если не сказать злобно, ругался Бунин.

Ну «пять тысяч», и что? Хочешь – читай, хочешь – не читай. Тем более что половина из этих пяти тысяч – переписка Горького с молодыми писателями, которых он холил и лелеял, с которыми неустанно возился и многих в итоге вывел в люди. В отличие, опять же, от Бунина, который никем никогда не занимался.

...Оставим людей искусства, возьмем шире.

Однажды я написал статью, где говорил о неизбежности прихода диктатора в Россию: просто потому, что мы погрязли во зле и в подлости и нас кто-то должен наказать.

Какая-то часть прочитавших эту статью была возмущена и возбуждена. О чем возмущенные и возбужденные публично сообщили.

Я с интересом ознакомился с их высказываниями.

Эти люди уверены, что они, вот лично они не отвечают за тот гигантский абортарий, в который превращена наша страна, за детей, пущенных на органы, и за прочие приметы нашего замечательного российского бытия.

Не согласные со мной, конечно же, всячески порицали и даже обзывали меня, что еще раз подтвердило мою правоту. Если человек обзывается – значит, ему наступили на больное место. У него там гноится. И нас объединяет тайное знание об этом гнойнике.

Один отзыв мне особенно понравился. Я вообще часто смеюсь, но тут, сидя у монитора, просто захохотал в голос.

Человек написал: «Я никому ничего не должен! Я плачу налоги!»

Нет, действительно смешно.

Налоги он платит. Подати... Оброк. А если завтра придут татаро-монголы – им тоже можно платить налоги. А послезавтра китайцы придут – и с ними тоже можно будет договориться.

Дико, что так (или схожим образом) рассуждает огромное количество людей в нашей стране.

Мы давно ничего никому не должны. Чувство долга заставляет работать, а нам лень.

У нас отчего-то исчезло ощущение огромного – до и после нас – бытия. Зато у нас есть ощущение, что мы невиданные цветки, которые нужно держать в ладонях и ласково дуть им в темя... или что там у цветков есть.

Но земля, на которой мы живем, – она на тысячу лет вглубь пропитана человеческой кровью.

На этой земле сто миллионов раз кто-то не пощадил и не пожалел себя. Ни мужик, поймавший грудью смерть, да не одну, а сразу дюжину смертей... ни баба, вскормившая грудью жизнь, да не одну, а дюжину жизней...

И что, все эти люди до нас растратили себя для того, чтоб на белый свет появились мы?

Такие ранимые, такие милые, такие никому ничего не должны, на которых сошелся клином свет, и мы нежмся в этом свете, в сладостной лености, пропитавшей все наше существо...

Разве вы не знаете, что от налогов рождаются дети? Разве вы не в курсе, что налоги берут любые крепости и приращивают новые земли? Разве вам не сказали, что налоги приносят людям свободу?

Когда нас спросят на Страшном суде, что мы сделали, чтоб прекратить мерзость в своей земле и оставить после себя сад, полный плодов и детей, мы можем гордо сказать в ответ: «Мы платили налоги!»

И Он расплатится и прижмет нас к груди. Так и будет.

Это истинно русский ответ – про налоги. На том стояла земля Русская и стоять будет вовек!

...В ленивых людях нет ничего хорошего – вот, собственно, все, что я хочу сказать.

Ленивым людям лень читать хорошие книги и лень писать их. Лень слушать хорошую музыку и тем более лень сочинять ее. Вообще лень различать хорошее и дурное.

Еще им лень ломать и лень строить. Размножаться очень лень. Лень отвечать хоть за что-то всерьез.

Долго еще можно перечислять.

Зато не лень быть снисходительными ко всему и вся, неустанно ерничать, истекать желчью, презирать и ненавидеть.

Идите в ЖЖ, напишите пост, какой я ублюдок.

Я вас тоже терпеть не могу.

Тост

Воспоминание о чуде

Проза Проханова – одно из самых главных моих личных потрясений. Не только литературных, но – духовных, судьбоносных.

История знакомства с его книгами запомнилась мне в самых малых деталях – и все эти детали дороги и важны для меня. Я помню запах страниц, помню вес каждой книги в моей ладони, помню шрифты и обложки. Так всю жизнь помнятся навек очаровавшие тебя минуты детства, или минуты товарищества, или минуты любви.

Первая книжка Проханова попала мне в руки в магазине «Букинист» в самые махровые девяностые годы. То были времена, о которых иные современные читатели Проханова и не догадываются, – романы его в течение почти десяти лет можно было раздобыть разве что в редакции газеты «Завтра». В книжные магазины они допущены не были ни под каким видом.

И вот, разрывая букинистические завалы, я обнаружил книгу «Горящие сады» 84-го года издания. Там было три прохановских романа: в последние годы их не раз переиздавали, они вошли в семикнижие о разведчике Белосельцеве уже под другими названиями и переработанные. Но в тот давний (весенний, замечу к слову) день это была радостная находка, редкая.

О самом Проханове тогда я слышал крайне мало: лет мне было немногим за двадцать, а в том университете, где я отучился, фамилия его не звучала ни разу, ни на каком спецкурсе. Историю путча и расстрела Дома Советов я не знал тогда в деталях – тем более в тех деталях, что касались Проханова, – а газету «Завтра» читал лишь тогда, когда она попадалась в руки. Ее в те времена тоже, надо сказать, не продавали в киосках. Да и сам факт ее издания казался просто диким. Что-что, а ощущение жизни на оккупированной территории не покидало меня с юности. И вот на захваченной и оболганной земле, в стране, которую у нас отобрали, живет человек, который смеет в лицо мерзавцам кричать, что они мерзавцы.

Найденную в «Букинисте» книгу я начал читать с некоторым предубеждением: ну не может быть в мире хорошего писателя, вовсе мне не известного, о котором в университетах не говорят и в журналах не упоминают.

Не помню уже, на какой странице одного из романов я вдруг остановился и сообщил своей любимой: «Ты не представляешь, но это просто замечательно... Надо же».

Спустя несколько дней я заказал в редакции газеты «Завтра» все книги Проханова, которые там были. Тогда наш край настигло редкое, роскошное, кипящее великорусское лето, и посылка пришла ко мне всего за день до семейного отъезда в нашу деревню на реке Керженец.

Полученные книги я бережно сложил в машину, и вскоре мы уже грелись в белых песках: жена, старший сын и книги Проханова. Первым я выбрал к чтению сборник «Война с Востока». Взволнованно держа в руках этот восхитительный белолобый том, огромный, но легкий, с отличными иллюстрациями Геннадия Животова, я полюбил писателя Проханова уже окончательно и пожизненно.

Там был роман «Дворец» и сборник новелл «Третий тост», которые я по сей день, наряду с книгой «Надпись», считаю главными вещами Проханова.

Завершал сборник новый вариант того романа, что я уже прочел в сборнике «Горящие сады». В «Горящих садах» он назывался «Дерево в центре Кабула», в «Войне с Востока» – «Сон о Кабуле».

Какой жар я испытал, пока жил с этой книгой, какую жуть, какую жалость! Какое ощущение чуда! С тех пор уже второе десятилетие пошло, как я с Прохановым не расстанусь. Он, безусловно, долгое время и не подозревал о моем существовании, зато я его жизни радовался ежедневно, безусловно, искренне, по-детски.

«Красно-коричневый», «Чеченский блюз» и «Идушие в ночи» (все три – высокие, в ярких красных обложках) я тоже купил в редакции газеты «Завтра». «Кочующую розу», «Время полдень» и «Место действия» нашел у столичных букинистов. Романы «Шестьсот лет после битвы» и «Ангел пролетел» удивительным образом обнаружил на книжных развалах в «Олимпийском». «Вечный город» и «Рисунки баталиста» раздобыл в Сети.

И каждый раз это был праздник. Когда книжки Проханова приходили ко мне по почте, я рвал упаковки прямо в помещении почтамта и выходил на улицу, уже начиная читать первые строки.

А потом, в начале «нулевых», жажнул, грохнул и полыхнул «Господин Гексоген» – взявший с боем «Нацбест», стремительно проданный тиражом в сто тысяч экземпляров (и продающийся до сих пор), – и началась новая история.

Проханов стал, что греха таить, звездой: такой лохматой, грузной, с пышной гривой, обдающей то холодом, то жаром.

Он заслужил этот жирный, отекающий маслом, громокипящий кусок славы: бесконечные интервью, обожание прессы, многочисленные переиздания, выход в иной год сразу десятка книг, на что издатели не пойдут даже в случае с теми литераторами, что властвовали в русской прозе всего десятилетие назад, пока самое имя Проханова было, как казалось, навек погребено.

Пожалуй, с выходом «Господина Гексогена» наступила третья писательская жизнь Проханова. Первой стала советская; второй была катакомбная, полузапретная; а третья – вот нынешняя.

Благодаря бурной славе «Господина Гексогена» переиздали первый волшебный сборник рассказов «Иду в путь мой» (правда, не целиком) и «Третий тост» (отчего-то потеряв при этом рассказ «Знак девы»).

Следом, мощная, по-прохановски совмещающая в себе надрыв и пересмешничество, прозвучала «Крейсерова соната». Темп он взял небывалый: у Проханова выходит по роману, а то и по два в год. Может быть, какие-то из них и не стоило издавать, но литературоведов без работы он точно не оставит.

Есть сильные художники, которые тем не менее никак не могут сделать некую подводящую итоги, главную свою книгу. Проханов относится совсем к иному типу. Итоговым в его творчестве были и «Вечный город», и «Последний солдат Империи», и тот самый «Господин Гексоген».

Но самый страшный и точный аккорд прозвучал в 2005 году, когда вышли романы «Политолог» и «Надпись».

Первая вещь неумолимо свидетельствовала о том, что Проханов куда более успешный и куда более природный постмодернист, чем все те, кто годами мешались под ногами русской литературы. Второй книгой он воздвиг себе монумент как писатель классический, с безупречным слухом и суровым зрением.

Мне иногда кажется, что после тех слов, что главный герой «Надписи» прочел, облетая мистическую башню, – а там было написано: «Россия вечная, Бог есть, ты умрешь», – вот после этого откровения можно было уже ничего и не говорить больше.

Тем более что «Надпись» была двадцатым романом Проханова, а я питаю некоторую слабость к ровным числам.

Но теперь у Проханова уже тридцать романов. Наверняка он сам об этом не помнит, но я-то все их читал. Впрочем, и это не столь много, как кажется иным его недоброжелателям.

Александр Дюма, к примеру, написал пятьдесят три романа, Жюль Верн – более восьмидесяти, наследие хоть Льва Николаевича Толстого, хоть Алексея Николаевича, хоть Лескова, хоть Горького никак не меньше наследия Проханова.

Я бы еще вспомнил два, казалось бы, далеких друг от друга имени – весьма плодovitого Кипплинга и не менее плодovitого Юлиана Семенова.

Дело в том, что и автора цикла романов об Исаеве-Штирлице, и Проханова называли в разные времена «советским Кипплингом».

У Семенова и Проханова даже биографии внешне схожи – оба, далеко не в качестве туристов, объездили полмира, оба написали десятки книг (Семенов автор двадцати шести романов). Причем, поверхностно определяя жанр этих книг, можно назвать большинство романов Семенова и многие романы Проханова «политическими детективами». Им обоим завидовали не столь удачливые собратья по перу. О том и о другом ходили слухи, что они агенты КГБ. С Семеновым даже не здоровались Анатолий Рыбаков и Григорий Бакланов – подозревали и презирали. Они же, но позже не здоровались с Прохановым.

Не знаю, как сейчас на сравнение с Кипплингом (или с Семеновым) реагирует сам Проханов, но можно сказать, что, явно проигрывая Семенову в советские времена в популярности, сейчас он его обыграл. И не только по степени известности. Тут дело в другом.

Семенов свою судьбу разведчика, милитариста, имперца, «советского Кипплинга» не доиграл до финала и даже обрушил, в известной степени приняв сторону лавочников, презираемых им всю жизнь. В итоге он не нужен ни лавочникам (которых нервно потряхивает от самого слова «Империя»), ни тем, кто лавочников презирает. А Проханов судьбу свою делал твердо, упрямо и последовательно – за что и вознагражден ныне.

Критики Проханова со временем забудутся и рассеются – просто потому, что всякий разумный и чуждый литературным склокам читатель прекрасно поймет, читая Проханова: вот это настоящее.

Проханов, хотя и злоупотребляет иногда несколькими однотипными и патетичными приемами, умеет, по сути, все, что должно уметь большому писателю.

Он начинал как писатель деревни, черной земли, русской почвы – и его книжка «Иду в путь мой» имеет все права войти в антологию лучшей деревенской прозы, где уже вписаны имена Абрамова, Белова, Екимова, Личутина, Распутина. Это пожизненное знание русской природы и сердечная любовь к ней периодически дают о себе знать в более поздних вещах Проханова – скажем, в чудесной сцене сбора грибов в «Последнем солдате Империи». Пришвин бы благоговейно шляпу приподнял, читая эту сцену.

Проханов тогда еще услышал русскую речь, увидел лица деревенских вдов и понял русский характер во всей его Достоевской неоднозначности. В том стародавнем споре, когда Шукшин обвинял Проханова в неоправданной и упрямой жестокости героев одного его раннего рассказа, я, безусловно, на стороне Проханова.

Проханов умеет описывать не только свое альтер-эго, но и замечательно создает целые галереи самых разнообразных характеров: как легко различимы десятки лиц в романе «Шестьсот лет после битвы», как хороши нарисованные с чеховской четкостью портреты офицеров во «Дворце».

С «Дворцом» Проханов на всех основаниях попадает и в антологию русской военной прозы, где палит тушинская батарея Толстого, где переживают приступы ужаса герои Гаршина, где воюют свою страшную войну солдаты и офицеры Виктора Астафьева, Юрия Бондарева, Евгения Носова.

Проханов как никто умеет описывать движение, стремительность жизни и смерти, кровавый хаос, раздраз и раздор – любая его военная вещь тому порукой. И он же как никто иной работает со статикой – а кто еще, кроме Проханова, сможет увлекательно описывать человеческий мозг на шести страницах?

К тому же Проханов способен научить не только тому, что получается у него как ни у кого другого, – но даже его ошибки и самоповторы пригодятся в любой литературной мастерской; и все они мне дороги, признаюсь.

Я все так же слежу за выходом каждой новой его книжки, все так же, не дожидаясь, пока новый роман доедет до моего города, заказываю, чтоб мне его доставили срочной почтой. И, едва приходит посылка, как тогда, в юности, я рву упаковку, чтоб скорей увидеть, что там за книжка – как выглядит, какие первые слова в романе. И уже предвкушаю, как отправлюсь с новым крепким томиком в свою черноземную, возле чистой реки деревню, и мое счастье читателя и ученика вновь повторится.

По классике

Олег Лекманов, Михаил Свердлов Есенин (М. : CORPUS, 2011)

Каждую новую есенинскую биографию читаешь как детектив: до самого конца не знаешь, убьют главного героя или нет. И если убьют – то кто?

Интрига.

Национальный поэт России, книг о нем написаны сотни, а вот, поди ж ты, ясности для многих так и нет никакой.

Одним ужасно хочется, чтоб смерть поэта была насильственной, другие разводят руками и говорят: ну, ребята, давайте без этой звериной убежденности...

Схожая ситуация, кстати, с Шолоховым: вопрос уже не в том, автор он «Тихого Дона» или нет, а в том, что отдельным гражданам до исступления надо, чтоб автором был не он, – и это принципиально.

Сразу скажу, что в этой книге Есенин покончит жизнь самоубийством, причем тянуть до последней главы авторы не будут и на 508 странице (а в книге их 600) прямо намекнут: «...в ночь с 27 на 28 декабря выяснилось, что скука и пустота овладели поэтом окончательно и бесповоротно».

Я Есенина люблю с детства, любую строчку из его стихотворения могу продолжить наизусть и еще сказать, в каком году оно написано, – и, признаться, для меня всегда было загадкой, отчего ж его убили, если – судя по его же собственным стихам и тем более по последнему предсмертному стихотворению – он к этому финалу последовательно шел.

Понимаете, нужно или совсем не любить, или не очень понимать Есенина, чтоб – зная его стихи и мало-мальски биографию – так долго возиться с версией убийства. А как же его «Москва кабацкая», как же его лирика последних лет, его «Цветы мне говорят: прощай, / Головками склоняясь ниже, / Что я уж больше не увижу / Ее лицо и отчий край» – как со всем этим быть? Он что, мог написать эти стихи и еще «Черного человека» – а потом жить-поживать до глубокой старости?

Тогда б это уже не Есенин был, а врун и позер.

А Есенин был позер где угодно, но только не в стихах.

Приступы ненависти, которые он с какого-то времени стал испытывать к самому себе и своей жизни, – ощутимы физически. Тихий ужас его личной богооставленности – разве он не слышен в последних стихах Есенина? Разве с такой болью живут?

Самое смешное и неприятное, что «есениноведам» нужно как-то обходить последний, написанный кровью стих поэта «До свиданья, друг мой, до свиданья...» – который, как ни крути, версию насильственной смерти ставит под серьезное сомнение. Приходится как-то совсем некрасиво выкручиваться, предполагая, например, что эти стихи Есенину подбросили и автор их на самом деле Вольф Эрлих, который последним видел поэта.

Такая же бредятинка, как с Шолоховым, все книги которого тоже написали другие люди, кроме разве что «Донских рассказов».

И чтоб позиция не расклеивалась, приходится тут же доказывать, что вообще-то «До свиданья, друг мой, до свиданья...» – стих плохой, слабый и неумный (как и «Донские рассказы») и Есенин такого не мог сочинить. На что только люди не идут, чтоб удержать свою шаткую правоту.

Одно непонятно: зачем Эрлиху нужно было целый стих придумывать, старательно подделывая есенинский почерк, если б можно было просто написать что-то вроде: «Я сейчас удавлюсь, пошли вы все на хер. Ваш Есенин» – и нечего было б вообще огород городить.

Характерно, что полк ревнителей есенинской насильственной смерти (как, кстати, и полк «антишолоховедов») нисколько не смущает тот факт, что все их версии противоречат в первую очередь друг другу.

Им бы вместе собраться и прийти к общему мнению, кто все-таки убил Есенина – Блюмкин (который, вот незадача, находился тогда в Монголии), питерские педерасты из числа младо-имажинистов (есть и такая версия, не смейтесь) или лично Сталин, предварительно избивший поэта кочергой.

Лекманов и Свердлов совершенно верно замечают, что необходимости в убийстве Есенина у власти не было никакой – он не больше и не меньше всех остальных весомых попутчиков поддерживал советскую власть, за границей пел «Интернационал», сочинял мощные стихи о Ленине, а некоторое его разочарование в итогах Октября – так у кого его не было тогда: перечитайте хоть Алексея Толстого, хоть Бабеля, хоть Леонова, хоть и Маяковского даже.

Вообще это очень тактичная книга – компилируя цитаты, работая на истинно научном уровне, свое мнение авторы проводят штрихами, почти никогда не навязывая, ни разу не срываясь на патетику или пафос, к чему, надо сказать, есениноведение вообще склонно.

Интонация ровная, все симпатии и антипатии повествователей остаются за кадром, хотя ощущение, что Есенин – не самый любимый их поэт, все равно остается. Но это и к лучшему: так получается беспристрастней.

И именно такой подход дает возможность выправить многие огрехи пристрастного «есениноведения».

Авторы спокойно доказывают, что традиционная датировка есенинских текстов 1910–13 годами неверна. Ее предложил сам Есенин, готовя свое собрание сочинений в 1925 году, и, судя по всему, именно тогда осмысленно пошел на некоторое смещение дат: ему было важно представить свой приход в поэзию как явление гениального самородка, с первых шагов овладевшего языковым волшебством. Однако сохранившаяся тетрадь юношеских, вполне беспомощных стихов Есенина «Больные думы» показывает, что все было чуть сложнее: ученический период и у него имел место, поэт поначалу испытывал влияние в первую очередь Надсона, – а вот те классические стихи, что датированы 1910–13 годами, были написаны либо в 1914–16 годах, либо, в редких случаях, в самом 1925-м – то есть могла иметь место прямая авторская мистификация (например, со стихотворением «Подражание песне»).

Многие факты, прозвучавшие в книге «Есенин», были так или иначе известны и ранее, однако у Лекманова со Свердловым едва ли не впервые все акценты расставлены очень последовательно и верно.

То есть их будут оспаривать – и уже оспаривают (см., например, дельную статью Сергея Куняева о первом издании книги).

Однако, при всем моем уважении к Куняевым, я очень согласен с авторами, что, скажем, имажинистский период Есенина – как минимум не случайный и давший Есенину очень и очень многое. Шершеневич и Мариенгоф повлияли на поэта никак не меньше, чем, например, Клюев, – и влияние это было, безусловно, благотворным. В первую очередь через Шершеневича Есенин стремительно ознакомился с модернистскими европейскими течениями, что дало поэзии Есенина совершенно новое звучание.

Что до Мариенгофа, то период дружбы поэтов вообще был самым спокойным в жизни Есенина. «В союзе с Мариенгофом, – пишут авторы биографии, – Есенин чувствовал себя способным преодолеть любое препятствие, побить все поэтические рекорды, покорить публику и “съесть” конкурентов – дружба окрыляла его».

Походя биографы подмечают, что давнее и скептическое отношение многих «есениноведов» к мемуарам Мариенгофа – в первую очередь к его «Роману без вранья» – трудно объяснить. Дело в том, что в книге Мариенгофа нельзя обнаружить ни одной серьезной фактической ошибки. Это действительно роман без вранья. К тому же надо еще раз напомнить, что ни с одним поэтическим собратом и ни с одной женщиной Есенин не пробыл так долго. Вся есенинская поэтическая биография – это, по сути, одно десятилетие, с 1915 по 1925-й. Больше трети этого срока – с 1919 по 1922-й – он был неразлучен с Мариенгофом, что никто особенно и не отрицает (сам Мариенгоф не без некоторой иронии заявляет, что «года четыре кряду их никто не видел порознь»).

Долгое время пытаюсь объяснить себе прямо-таки физическую неприязнь наших почвенников именно к Мариенгофу – между прочим, очень интересному поэту, а прозаику так вовсе восхитительному, – я не нашел никакого другого объяснения, кроме несколько перезрелой ксенофобии: очевидная нерусь посягнула на сердечную дружбу «милого Сергуна» – разве ж допустимо такое. (То, что Мариенгоф – вообще-то потомок немецких дворян, проживавших в Прибалтике, успевший, кстати говоря, в качестве офицера русской армии поучаствовать в Первой мировой, в расчет не очень берется; ну да ладно.)

Но тот факт, что с Мариенгофом Есенин был куда ближе, чем, например, с Клычковым или Орешиним, – уже не оспоришь. Тому порукой и письма Есенина к Мариенгофу (таких писем он даже женам не писал), их поэтические посвящения друг другу, да и сама история поэтической дружбы как таковая, описанная далеко не только в «Романе без вранья».

«После Мариенгофа, – отмечают биографы чуть позже, – поэт перестал терпеть рядом с собой равных: все должны были находиться в его тени, служить ему фоном – слушателями, подголосками, верными поклонниками и учениками. Отсюда кружение около Есенина “нищенствующей братии”, “воронья”, у которого он, презирая их, все же шел на поводу».

(Тут, справедливости ради заметим, есть некоторое противоречие – потому что ранее Лекманов и Свердлов сами же цитируют Есенина, который на вопрос одного знакомого, зачем ему нужен Мариенгоф, отвечает: «Мне нужна тень». Но противоречие это только внешнее, больше говорящее о позднем, мстительном и несправедливом Есенине, чем о самой его дружбе с Мариенгофом.)

Собственно, пить и, прямо скажем, – спиваться Есенин начал как раз тогда, когда встретил Дункан и поэтический союз двух молодых имажинистов распался.

«Спрашивается, когда в его переписке появились жалобы на прожигание жизни и алкогольную зависимость? – задаются вопросом биографы. – Только после переезда в балашовский особняк, занятый Школой Дункан».

Далее авторы совершенно резонно подмечают, что не только Есенин в некотором роде использовал Дункан – чтоб вырваться за пределы России и получить славу уже мировую, – но и Дункан использовала его, по-женски манипулируя им. Тут вообще очень интересный и скорей трагический сюжет – кстати говоря, лишь внешне напоминающий отношения меж Высоцким и Влади. Опустим несопоставимость масштабов (Есенин все-таки поэтический гений одного ряда с Пушкиным и Байроном, а Высоцкий, только не кидайте в меня табуреткой, – чуть иная история, и сам он это понимал не хуже нас: в смысле поэтического ремесла его компания – это как раз Вознесенский и Евтушенко, прекрасные, кстати, поэты). Речь о том, что Влади Высоцкого спасала («...двенадцать лет тобой храним»), в то время как недолгая и болезненная история с Дункан надломила жизнь Есенина. Да и сама Айседора закончила плохо.

Но и об этом Лекманов и Свердлов говорят с замечательным тактом, нигде не повышая голоса и не выставляя оценок.

Они вообще выбрали любопытную методологию, для того чтоб как-то справиться с неустанными есенинскими превращениями из тихого и улыбчивого рязанского ангела во

вздорного демона, – это классический сюжет Стивенсона о докторе Джекиле и мистере Хайде. Очень точно. Вот золотоголового витию после поэтических чтений влюбленные поклонники несут на руках, а вот Есенин в дурном полубреду пытается ночью задушить своего спящего друга – тот в ужасе просыпается, а ослепший и осатаневший Есенин кричит: «Кто ты? Кто ты?»

Единственный раз, когда у меня при чтении чуть дрогнуло веко, – это в финале, когда Лекманов и Свердлов коснулись одной трудной темы, в определенном контексте вспомнив строчку Есенина «...одолели нас люди заезжие».

У Есенина с «людьми заезжими» бывали свои, порой нелепые, порой пьяные, порой злые счеты; но когда авторы походя говорят, что это было проявлением «комплекса национальной неполноценности» поэта, – приходится пожалеть плечом. Ну не все так просто, наверное, – мы тут двести лет вместе, сколько всего сказано, сколько копий поломано, – не одним комплексом все объясняется, вопрос чуть серьезней, не так ли, друзья? А то много на кого из русских классиков можно этот комплекс повесить – потом останется только диву даваться, какие они у нас все закомплексованные.

Полегче, в общем.

Кстати, чуть ранее авторы пытаются убедить, что к Троцкому Есенин питал исключительно теплые чувства. И тут тоже сложнее – исчадием ада Есенин Троцкого точно не считал, отзывался о нем несколько раз более чем комплиментарно – но поэму «Страна негодяев» еще никто не отменял, как и ее героя Чекистова, в котором тень Троцкого просматривается безусловно.

Впрочем, как раз «Страна негодяев» в книге вообще не упомянута ни разу.

Но, повторюсь, это вообще единственный вопрос, который возник, – да и ему незачем придавать определяющее значение.

Есть еще несколько случайных и, опять же, незначительных помарок. Например, ошибочная ссылка на воспоминания современника о том, что в 1920 году на поэтическом диспуте Есенин попрекал Маяковского тем, что тот поет о пробках в Моссельпроме. Современник ошибся: в 1920 году Маяковский о пробках еще не написал, – а биографы эту ошибку повторили.

Еще одна ошибка допущена в небольшом разделе, посвященном тому, как воспринималась есенинская поэзия в первые десятилетия после его смерти – проще говоря, в сталинские времена. На этой почве тоже взросло несколько нелепиц о полном запрете поэта, за строчки которого можно было угодить на Колыму. Одно из сочинений о насильственной смерти Есенина, помню, начинается именно с такой сценки: в тридцатые годы, в коммуналке, один мужик, подыгрывая себе на баяне, поет про «...отговорила роща золотая...» – но в тот же вечер появляются люди из «органов» и тащат в «черный воронок» человека, посмеявшего голосить такую несусветную крамолу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.